

Документ подписан простой электронной подписью
Информация о владельце:
ФИО: Локтионова Оксана Геннадьевна
Должность: проректор по учебной работе
Дата подписания: 02.06.2022 12:49:25
Уникальный программный ключ:
0b817ca911e6668a...
Юго-Западный государственный университет
(ЮЗГУ)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное

учреждение высшего образования

«Юго-Западный государственный университет»

(ЮЗГУ)

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Проректор по учебной работе

О.Г. Локтионова

2022 г.

«1»

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ДИСКУРСА

Методические рекомендации
к практическим занятиям и СРС для преподавателей и
студентов направления подготовки
45.03.03 – Фундаментальная и прикладная лингвистика

ЭДК 811.163.2

Составитель

Г.В. Попова, Н.И. Степыкин

Рецензент

Кандидат филологических наук, доцент кафедры ТПЛ

Е.А. Беспалова

Общая теория дискурса: методические указания практическим занятиям и СРС/ Юго-Зап. гос. ун-т; сост. Г.В Попова, Н.И. Степыкин, Курск, 2022. 109 с. Библиогр.: с. 105-109.

Методические указания предназначены для преподавателей и студентов для подготовки к практическим занятиям и СРС по дисциплине «Общая теория дискурса».

Методические указания соответствуют требованиям программы, составленной в соответствии с ФГОС по направлению подготовки 45.03.03 – «Фундаментальная и прикладная лингвистика».

Текст печатается в авторской редакции

Подписано в печать 02.06.22. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л.6,16 Уч.-изд. л.5,57 Тираж 50 экз. Заказ 774. Бесплатно. 1484
Юго-Западный государственный университет.
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Курск 2022

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ПРОВЕДЕНИЮ ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ №1

ДИСКУРС КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Основные вопросы:

1. Систематизация знаний о дискурсе как объекте лингвистических исследований, выявление его существенных характеристик через определения известных лингвистов.
2. Выявление степени сформированности научного представления о дискурсе в свете различных подходов к определению его понятия.

Общаясь с разными людьми, вы замечаете, что речь каждого человека имеет свои особенности. Рассмотрим диалог:

Сын: Мам, а где зарядка?

Мама: На тумбочке.

С.: Там ее нет.

М.: Тогда посмотри **в драконе**.

Понимание диалога содержательно оказывается затруднительным: о каком драконе идет речь? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо располагать дополнительными знаниями, обусловленными СИТУАЦИЕЙ. В данный речевой акт включен компонент ситуативности, или пресуппозиции (общего для коммуникантов знания). Таким образом, коммуникация расширяется, вбирая во взаимодействие людей особый текст, в котором сконцентрированы особая грамматика, лексикон, ментальность, идеология, мировоззрение, психология, имидж, социальный статус. Все эти компоненты составляют «мир дискурса», «язык дискурса». Каждый дискурс – один из «возможных миров».

Содержание термина «дискурс» настолько популярно, насколько и размыто, и употребление его встречается в понятийных аппаратах разнообразных научных направлений, зачастую не являющихся смежными. Дискурс (discourse (англ.), Diskurs (нем.), discours (фр.)) — как термин происходит от латинского «discurrere» — «связная речь», «обсуждение», «переговоры», даже «перебранка». Однако это только одно из вторичных значений. Латинские контексты предлагают более

глубокий этимологический анализ. Так, В.В. Мароши рассматривает семантическую структуру слова «discursus» и отмечает, что основной сферой его использования были различные виды беспорядочного и быстрого движения (dis+curro (бежать)): "1) бегание туда и сюда, беготня в разные стороны; 2) набег; 3) движение, круговорот; 4) непрерывное мелькание; 5) бестолковая беготня, суета; 6) разрастание, разветвление; 7) барахтанье". Приставка «dis» обозначает разделение, разъединение, расчленение, что придает глаголу движения аспект разнонаправленности, лишает его «энтелехии», т.е. определенной цели: «discurso» - носиться взад и вперед, «discurro» - 1) бегать туда и сюда, бегать в разные стороны; 2) разбегаться; 3) растекаться, распадаться, разделяться [Мароши]. Наконец, выделяется и периферийное значение «беседа, разговор», которое включает в себе представление о коммуникации как о постоянном мыслительном поиске и разрастающемся речевом акте, интенционально-тематическая направленность которого подвержена многочисленным изменениям.

Научным исследованием многообразных проявлений дискурса занимались Э.Бьюиссанс, Э.Бенвенист, Ж.Деррида, Ю.Кристева, М.Пеше, Т. Ван Дейк, В.Дресслер, Е.А.Земская, Я.Петефи, Дж.Браун, В.Г.Борботько, Д.Шиффрин, У.Чейф, Б.М.Гаспаров, О.А.Лаптева, Дж.Дюбуа, Е.В.Падучева, Т.Гивон, Э.Шеглофф, А.Н.Баранов, Г.Е.Крейдлин, У.Лабов, Ф.Бартлетт, Б.Фокс, У.Манн, Е.Н.Ширяев, С.Томпсон, Дж.Граймс, Б.Мейер, Р.Райкман, Р.Хоровитц, С.А.Шувалова, О.Йокояма, Л.Поланьи, Р.Лонгейкр, Дж.Сакс, Г.Джефферсон, Х.Камп, М.Митун, П.Клэнси, С.Камминг и др. Различные исследования, связанные с макроструктурой дискурса, проводили Е.В.Падучева, Т. ван Дейк, Т.Гивон, Э.Шеглофф, А.Н.Баранов и Г.Е.Крейдлин и др. Следует упомянуть научные школы: исследования информационного потока У.Чейфа, исследования связей между грамматикой и межличностным взаимодействием в диалоге (С.Томпсон, Б.Фокс, С.Форд), когнитивную теорию связи дискурса и грамматики Т.Гивона, экспериментальные дискурсивные исследования Р.Томлина. Отметим «грамматику дискурса» Р.Лонгейкра, «системно-функциональную грамматику» М.Хэллидея, исследование стратегий понимания Т. ван Дейка и У.Кинча, общую модель структуры дискурса Л.Поланьи, социолингвистические подходы

У.Лабова и Дж.Гамперса, психолингвистическую «модель построения структур» М.Гернсбакер, а в несколько более ранний период также дискурсивные штудии Дж.Граймса и Дж.Хайндса. К числу наиболее известных специалистов в этой области относятся Б.Грос, К.Сайднер, Дж.Хиршберг, Дж.Хоббс, Э.Хови, Д.Румелхарт, К.Маккьюин и др.

В научных источниках дискурс понимают как: любую философскую или научную концепцию, обращенную к читателю или слушателю; некую парадигму сотворения/видения мира, свойственную отдельной личности, группе, социуму; закрепленный в языке способ упорядочения картины мира; важнейшую форму социальной активности человека; любой конкретный способ рассуждать и вести дело; систему ограничений, накладываемую на содержание, жанр, структуру, язык текста его автором; вербализация тех или иных, например политических, установок; особое использование языка для выражения устойчивых психоидеологических установок; некую специфическую речевую общность (А.Гоулднер); коммуникативный акт и социальный диалог.

В узком смысле дискурс рассматривается как коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в определенное время и определенном пространстве, например, обыденный разговор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты. Такое взаимодействие может быть в речевой, письменной форме, иметь вербальные и невербальные составляющие. Кроме того, дискурс обозначает научный или профессиональный язык, а также выражаемые идеи и социальные результаты, которые, согласно М. Фуко, должны считаться главным явлением социальной власти, а не просто способом описания мира.

С.Саранджи и М.Бейнхамом дискурс понимается как макро- и микроуровни социальной практики, а также способ, каким язык оформляется и сам формирует социо-политическую реальность. Оба уровня дискурса тесно связаны между собой. К примеру, педагогический дискурс (pedagogic discourse), включающий взаимодействие учителя с учеником, родителей с учителем, учеников между собой, всегда происходит и должен пониматься в более широком социетальном контексте, в частности, текущей

социальной-политической обстановке и состояния общества, которые определяют «правила игры» для этого дискурса.

Понятие дискурса рассматривается на различных уровнях: и как тематическая беседа двух лиц, которые могут спорить друг с другом и отстаивать свои позиции, и как диалог, происходящий между большими или малыми социальными группами в рамках **короткого или длительного временного или пространственного протяжения**. Так, межличностный дискурс происходит между коллегами, родственниками в интерактивном режиме, в конкретном месте, в течение относительно короткого времени; а конфликтогенный дискурс между рыночниками и нерыночниками накануне перестройки, между демократами и коммунистами длился годы; а, к примеру, массовый пространственно-временной дискурс между западниками и славянофилами – более двух столетий (в СМИ, в научных монографиях, учебниках, научных конференциях и т.д.).

Идея Фуко состояла в том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в таком ее понимании принято называть дискурсом. Дискурс — это одновременно и процесс и результат — в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-л. В основании же любого дискурса лежит высказывание — «атом» речевой практики, некое первоначальное обобщение, образ, конвенция, что делает возможным дальнейший разговор.

Ван Дейк анализирует модели ситуаций как модели поведения, вводя понятие "дискурса". Под «дискурсом» он понимает «функциональную часть коммуникативных и более общих общественных и культурных целей социальных групп или отдельных личностей». Под дискурсом также понимается взаимодействие между языком и действительностью, которое обеспечивает миропонимание и существование.

Дискурс – сложное понятие, частично из-за того, что в разных теориях оно используется по-разному. В лингвистике дискурс - это **текст плюс контекст**. В теории коммуникаций дискурс - это вербальные и невербальные элементы общения плюс контекст, в котором происходит общение плюс содержание общения и так

далее. Джон Фиск в «Телевизионной культуре» дает такое определение дискурса: **социальная система репрезентации (например, термины, понятия, законы), специально организованная, чтобы производить и обмениваться значениями на определенную тему.** Например, учебные лекции по массовым коммуникациям - это дискурс. Литература по феминизму – это дискурс. Говорят о дискурсе рекламы и дискурсе новостей. Дискурс, продолжает объяснять Фиск, это **предмет обсуждения + социальная ситуация + идеология.**

Теун ван Дейк отмечает, что «понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными.

«Дискурс» – одно из них» (Т. ван Дейк).

Это понятие («дискурс») постоянно обретает какие-то дополнительные характеристики, уточняется, меняет свой первоначальный смысл. За ним закрепляется несколько интерпретаций, т.к. в разных парадигмах знаний его используют в разных значениях. Термин лишается определенности, поскольку чрезвычайно велика сфера его распространения. Поэтому можно говорить о полисемии этого термина как в лингвистике, так и в других науках (социологии, философии, политологии, логике и др.).

На основании выборочного анализа различных пониманий дискурса, можно дать такую предварительную дефиницию дискурсу: Дискурс – это такое измерение текста, взятого как цепь/комплекс высказываний (т.е. как процесс и результат речевого (коммуникативного) акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и парадигматические отношения между образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста.

Современный взгляд лингвиста А.А. Кибрика:

«Все большее число лингвистов разделяет мнение, что естественное построение лингвистики как науки следовало бы начинать с исследования дискурса, и лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы. Люди разговаривают между

собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами».

Феномен дискурса в междисциплинарных исследованиях.

Дискурс – объект междисциплинарного изучения. Помимо теоретической лингвистики, с исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления, как компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, психология, философия и логика, социология, антропология и этнология, литературоведение и семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, политология. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, однако некоторые из них оказали существенное влияние на лингвистический дискурсивный анализ. Особенно это касается социологии.

Как понимают дискурс представители разных научных дисциплин, связанных с лингвистикой? Прагмалингвистика – дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, определение коммуникативных ходов. Психолингвистика – дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождений речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписаний. Им интересен тип речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции. Лингвостилистика – анализ сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц (характеристика функциональных стилей). Структурно-лингвистическое описание дискурса – предполагает его сегментацию и направлено на текстовые особенности общения – содержательная и формальная связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничители (hedges), дискурсивная полифония.

Лингвокультурное изучение дискурса – предлагают установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить

модели этикета, речевого поведения в целом, единицы ментальной сферы. Дискурс как когнитивно-семантическое явление – изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т.е. различных моделей репрезентации общения в сознании. Социолингвистика – предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения.

Социолингвистический анализ дискурса как текста в ситуации реального общения требует учета сложившихся в обществе институтов, таких как политическая деятельность, образование, здравоохранение, коммерция, спорт. Ученые-лингвисты считают, что дискурс – многозначный термин. Имея общее представление о нем, мы обратимся к разным взглядам на понятие «дискурс», например, к определению дискурса Т. ван Дейка.

Дискурс в узком смысле (как текст или разговор)

Как правило, выделяют только вербальную составляющую КД и говорят о ней далее как о «тексте» или «разговоре». В этом смысле термин Д обозначает заверченный или продолжающийся «продукт» КД, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами, т.е. Д в самом общем понимании – это письменный или речевой *вербальный продукт* коммуникативного действия.

Разница между дискурсом и текстом

Д – актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного (напомню: речь | язык, langue | parole, компетентность | произносимость). Д – это понятие, касающееся *речи*, актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие касающееся системы *языка* или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности.

Дискурс как конкретный разговор

И широкое и узкое понимание Д включает в себя то, что употребление понятия Д всегда касается каких-то конкретных объектов в конкретной обстановке и в конкретном контексте: «этот дискурс», «его дискурс», «эти дискурсы».

Где заканчивается один дискурс и начинается другой? Положим, отдельный дискурс есть когерентный (однородный)

смысловой блок (хотя на поверку с этим есть проблемы – разговор людей часто представляет собой смесь разноплановых топик).

Дискурс как тип разговора

Понятие Д употребляется и в этом смысле, и может касаться не конкретных КД, но типов вербальной продукции.

Дискурс как жанр

Еще усложним. Понятие Д используется для обозначения того или иного жанра, например: «новостной дискурс», «политический дискурс», «научный дискурс».

Дискурс как социальная формация

Наконец, наиболее абстрактный смысл понятия Д – когда оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре. Тогда говорят, например, «коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс» или «организационный дискурс». В этих же случаях – по аналогии с социологическими понятиями «социальная формация» или «социальный порядок» – говорят «дискурсивная формация» или «дискурсивный порядок». Как раз в этом смысле мы говорим, например, об идеологическом дискурсе.

В современной науке под дискурсом понимается практически все, что угодно исследователю. Причем мало кто оговаривает свое понимание термина, предоставляя, таким образом, читателю/слушателю замечательную возможность разобраться во всем самому. Однако далеко не всегда синтез фоновых знаний и конкретного контекста приводит к однозначному пониманию (а это и требуется от термина) того, что стоит за таинственным словом «дискурс».

В современном использовании термина *дискурс* все контексты объединены семьей говорения, высказывания.

1. Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие.

2. Дискурс – внутренне организованная последовательность языка.

3. Дискурс – комплексная коммуникативная единица с собственными структурно-семантическими характеристиками. Если дискурс завершен, то в нем присутствуют такие характеристики, как связность, цельность, полнота и автосемантия (под которой понимается разрешенность всех вопросов референции

внутри текста), то для его понимания адресату достаточно владеть синтаксисом и семантикой того языка, на котором он создан.

4. Дискурс – это проявление речевой деятельности в разговорно-бытовой речи, он представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла.

5. Дискурс – это и само высказывание и те когнитивные установки, которые детерминируют содержание и форму высказывания.

6. Дискурс – это текст связной речи, состоящий из последовательности коммуникативных единиц языка, превышающих по объему простое предложение, которое находится в смысловой связи, выраженной лингвистическими текстами.

7. Внутри крупных фрагментов дискурса наблюдается единство – тематическое, референциальное (т.е. единство участников описываемых ситуаций), событийное, временное, пространственное и т.д.

8. Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент во взаимодействии людей и механизма их сознания (когнитивных процессах).

9. Дискурс как естественно проявляющаяся связная речь или письменные документы.

10. Дискурс – это область функционирования естественного языка, который в реальности оказывается втянутым в поле оценок и мифологем различных социальных групп.

11. Дискурс – обмен высказываниями, при котором происходит двусторонний ряд речевых событий, где участники будут постоянно меняться ролями адресата и адресанта, оставаясь внутри своих социальных и ритуальных ролей и установок. При таком характере речевого события характерны не только расшифровка (декодирование) информации при неизбежной доле ее расширения или сужения, но и устойчивая обратная связь, ведущая к наиболее полному декодированию.

12. Между крупными фрагментами дискурса наблюдаются границы, которые помечаются относительно более длинными паузами (в устном дискурсе), графическим выделением (в письменном дискурсе).

На основании выборочного анализа различных пониманий дискурса, можно дать такую предварительную дефиницию дискурсу: Дискурс – это такое измерение текста, взятого как цепь/комплекс высказываний (т.е. как процесс и результат речевого (коммуникативного) акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и парадигматические отношения между образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста.

Современный взгляд лингвиста А.А. Кибрика:

«Все большее число лингвистов разделяет мнение, что естественное построение лингвистики как науки следовало бы начинать с исследования дискурса, и лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы. Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами».

С одной стороны, дискурс понимается как речевая практика, т.е. «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» (В.И.Карасик).

С другой, дискурс предстает как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего.

К коммуникативной составляющей дискурса относятся возможные позиции и роли, которые предоставляются в дискурсе носителем языка языковым личностям. Дискурс рождается в сознании людей, а затем выливается в сферу их общественного бытия. В межличностном дискурсе обе стороны преследуют собственные интересы. В межгрупповом дискурсе представители большой социальной группы отстаивают интересы той части общества, к которой они принадлежат. Так, Т.А. ван Дейк обращает внимание на то, что дискурс есть коммуникативное

событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – обыденный разговор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты. Вместе с тем ученый указывает на разноплановость употребления рассматриваемого термина: «В зависимости от того, какой аспект нас интересует, дискурс можно определить как «использование языка», «форму коммуникации», «форму социального взаимодействия», «речевой акт», «текст», «разговор» и так далее. Лингвистически говоря, дискурс – это связная последовательность письменных предложений или устных высказываний, выраженных в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий» [<http://discourseanalysis.org> Дата обращения: 12.08.2013].

Если в 70-х и 80-х годах социально-гуманитарные исследования дискурса проводились более или менее независимо и автономно друг от друга, то в 90-х гг. и в начале нового тысячелетия активизируется интеграция дискурсных теорий. Отмечаются многочисленные пересечения между лингвистикой и психологией, лингвистикой и социологией, а также между политологией и этнографией, психологией и антропологией, семиотикой и политологией.

Однозначным следствием эволюции дискурсных теорий является то, что, во-первых, понятие «дискурс» значительно расширило гамму своих значений от исключительно лингвистического явления до трансцендентального метафизического феномена и, во-вторых, вопрос об употреблении такого же неоднозначного и многомерного понятия «текст» в контексте дискурсивных исследований остается спорным, подвергается постоянным обсуждениям, что создает терминологическую неясность в понятийном аппарате ряда наук.

Характеризация дискурса как когнитивно-семантического явления

Дискурс образуется на пересечении когнитивной и семантической составляющих. К когнитивной составляющей

относятся знания, содержащиеся в дискурсивном сообщении. В семантическую составляющую входит семантика, т.е. смысловая сторона (значение отдельных языковых единиц: морфем, слов, словосочетаний, грамматических форм).

Дискурс проявляется как специфицированный языковой образ знания. Дискурс как когнитивно-семантическое явление изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т.е. различных моделей репрезентации общения в сознании. Различные модели – это разные типы знаний, соответствующих разным «я», с которыми связывается человеческое и языковое существование.

«Мы являемся различием, наш разум – это различие дискурсов, наша история – различие времен, наше Я – различие масок». (М. Фуко).

Дискурсивные формации должны рассматриваться в когнитивно-семантическом поле, так как имеют тесные связи с лексикологией и семантикой. Лексическая система языка наиболее чутко реагирует на изменения в социальной жизни и отражает дифференциацию общества на группы. Дискурсивные компоненты и ограничения можно обнаружить в структуре лексического значения и в правилах семантической сочетаемости слов. Специалисты в области теории коммуникации разработали когнитивное моделирование как поиск корреляции между лингвистическими структурами текста и структурами представлений его автора.

3. Аудиторный сопоставительный анализ сообщений о противопоставлении понятий «дискурс-язык-речь» в концепциях Ф.де Соссюра, Н.Хомского, В.А. Звегинцева и др. (с опорой на презентацию А.А. Кибрика «Единство дискурса»)

Диалог-текст-дискурс

Достаточно убедительно разграничивает дискурс и текст Теун Ван Дейк: «Дискурс – актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного (речь/язык/langue/parole, компетентность/произносимость).

Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, «текст» - это понятие, касающееся системы

языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности».

Различие дискурса и текста часто строится на восприятии данных категорий как динамического и статического элементов языка, неоконченной и оконченной речи. Первая для своего понимания требует диалога с другим, вторая — диалога с самим собой (саморефлексии, интерпретации). Термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако в «дискурсе» подчеркивается динамически разворачивающийся во времени характер языкового общения. Текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности.

Иногда «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанный в ее социальный контекст, и ее результат (текст); именно такое понимание является предпочтительным.

Во многих функционально ориентированных исследованиях проводится сравнение дискурса и текста по ряду оппозитивных критериев: функциональность-структурность, процесс-продукт, динамичность-статичность и актуальность-виртуальность. Соответственно, различаются структурный текст-как-продукт и функциональный дискурс-как-процесс (*text-as-product, discourse-as-process* - Brown, Yule 1983; *Text-alsStruktur, Text-in-Funktion-Hess-Lutiich* 1979) [Цит. по: Прохоров, С. 20].

Вариация на ту же тему, близкая определению дискурса по Д. Шифрин, перекликается с точкой зрения на текст как на абстрактный теоретический конструкт, реализующийся в дискурсе (van Dijk 1977; 1980) так же, как предложение актуализуется в высказывании (*sentence vs. utterance*)... Другой способ решения проблемы сформулировал В.В. Богданов (1990; 1993), рассматривая речь и текст как два неравнозначных аспекта дискурса. Дискурс понимается широко - как все, что говорится и пишется, другими словами, как речевая деятельность, являющаяся «в то же время и языковым материалом» (Щерба 1974) в любой репрезентации, звуковой, графической или электронной. Текст (в узком смысле) – это «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины речь и текст будут видовыми по отношению к

объединяющему их родовому термину дискурс» (Богданов 1993), причём все эти термины не образуют выраженных дихотомических пар. Такое широкое понимание дискурса сегодня всё чаще встречается в лингвистической литературе, а в философской или психологической оно уже стало нормой.

М.К. Бисималиева, занимаясь проблемой соотношения текста и дискурса, приходит к выводу, что «понятие «дискурс» связано с анализом языкового отрезка как процесса с учетом участников этого события, их знаний, сложившейся ситуации общения; понятие «текст» связано с анализом языкового отрезка как продукта, и здесь внимание обращается главным образом на формальные средства связи его частей» (Бисималиева М.К., 81-81). Таким образом, дискурс следует называть языковым процессом, а текст – языковым продуктом [Там же].

Ю.С. Степанов соотносит эти понятия таким образом, что создается целостное структурно-смысловое поле, в котором категории текста и дискурса неотделимы друг от друга: «Дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», а как язык просто. Дискурс существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, - в конечном счете – особый мир».

Отдельного внимания заслуживает взгляд Ю.Е. Прохорова на соотношение понятий дискурса и текста. В концепции ученого отправной точкой служит понятие «реальная коммуникация», которое содержит три неслиянные, но и нерасторжимые составляющие: 1) саму фигуру действительности, в сфере которой и на основаниях которой коммуникация осуществляется, 2) текст – обеспечивающий ее содержательно-языковую основу (так как текст во всех его проявлениях, даже в «образе», неотрывен от языка) и 3) дискурс – обеспечивающий содержательно-речевую основу (собственно вербальную – и обычно с невербальным компонентом) взаимодействия участников коммуникации.

Нам также крайне полезны формулы Ю.Е. Прохорова, суммирующие многочисленные определения рассматриваемых категорий, сводящиеся к следующим обозначениям: 1) дискурс есть текст (часть текста, тип текста, состояние текста и т.п.) – текст есть

дискурс (часть дискурса, тип дискурса, состояние дискурса); во-вторых, дискурс есть произведение – дискурс есть употребление, деятельность (Прохоров, 2009: 27-28).

Как отмечают Н. Филлипс и С. Харти, интерес к связи между дискурсом и социальной реальностью обязывает нас изучать конкретные тексты как проявления дискурсов, но мы не можем найти дискурсы в самих – отдельно взятых – текстах. Стало быть, мы должны изучать совокупности текстов, которые интегрируют и производят дискурсы. Мнение ученого-лингвиста Руднева: «Дискурс не есть текст, но есть в тексте, если рассматривать текст как цепь/комплекс высказываний, т.е. речевой (или коммуникативный) акт и его же результат».

Под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения процессов мышления и в связи с экстралингвистическими факторами. Дискурс – это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент познавательных процессов и взаимодействия людей.

От обычного диалога дискурс отличается тем, что в него вовлекаются не просто знания и аргументированные позиции, а актуальные интересы каких-либо групп. В дискурсе идет не просто обмен мнениями, но отстаивание позиций, точек зрения, противоборство различных систем ценностей, наконец, отстаивание жизненно важных для социальной группы интересов (дискуссионно-аргументативный дискурс). В отличие от диалога – устной беседы двух «агентов» информации, вступающих в кратковременный процесс социального взаимодействия, дискурс в отдельных случаях может принимать институционализированную форму.

Как социальный институт дискурс представляет собой совокупность исторически сложившихся неформальных норм (обычаев или стереотипов), традиций, обычаев, языковых и культурных практик, концентрирующихся вокруг какой-либо главной цели, ценности или потребности.

4. Критический анализ выполнения заданий на выявление средств связности в предложенных микродиалогах (тексты по выбору преподавателя).

5. Аудиторный сравнительный анализ заданий на выявление средств когезии в разговорных диалогах.

Языковая организация дискурсивного взаимодействия

В дискурсе человек участвует как языковая личность. Это понятие находит полноценное применение именно в лингвистике дискурса. Под языковой личностью следует понимать совокупность знаний и умений, которыми располагает человек для участия в дискурсе. Порождением и распознаванием человек обязан важнейшей когнитивной системе – языку. Единственной возможностью распознать разные типы (стили) общения является сам язык, т.е. способ репрезентации субъекта, адресата, «формации объектов», по которым различаются те или иные дискурсивные формации (например, общение врачей, научных работников на работе, на конференции, общение в быту, публичное общение политиков). По языку определяется национальный дискурс. Перевод можно рассматривать как дискурсивный процесс, благодаря которому частично устраняются границы национальных дискурсов.

Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия». Тезис «Язык – дом бытия» принадлежит, как известно, крупнейшему философу-экзистенциалисту Мартину Хайдеггеру [9]. Ю.С.Степанов дает определение языка как «дома бытия духа» и как «пространства мысли».

В понятие дискурса как кода вводится синтагматическое (нечто соединенное) – семантико-синтаксическая единица речи, образуемая группой слов в составе предложения, объединенных в смысловом и ритмомелодическом отношениях и парадигматическое – совокупность структурных единиц, связанных отношениями противопоставления, совокупность форм словоизменения одного и того же слова.

Типология семантико-синтаксических отношений между клаузами распространяется на отношения в дискурсе (согласно теории риторической структуры). Список риторических отношений типа «ядро-сателлит» похож на традиционный список типов обстоятельственных придаточных предложений. Дж. Лакофф

отмечал, что «в основе коммуникации та же концептуальная схема, что и в основе языка».

Дискурс понимается как социальная деятельность, происходящая с помощью или же посредством языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей.

«Дискурс, – пишет Ю.С. Степанов, – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века». И разъясняя смысл этой черты, указывает на «особое использование языка» для выражения особой ментальности и даже «особой идеологии».

Когезия – внутритекстовая связь

Смыслообразующие категории являются определяющими для текстовой организации.

Особое место в этом ряду занимают категории когезии и когерентности. Когезия предполагает внутреннюю (структурную) связность, связь элементов текста, при которой интерпретация одних элементов текста зависит от других. К средствам когезии относят грамматические (союзы, союзные слова, местоимения, причастные обороты); формы перечисления (графические, выделение частей, высказывания, обозначаемые цифрами); временные и пространственные маркировки («несколько дней спустя», «рядом», «недалеко и т.п.); логические последовательности временных, пространственных, причинно-следственных отношений; ассоциативные (ретроспекция, субъективно-оценочная модель, вербальные сигналы) [10, с. 53].

Когерентность употребляется для обозначения внешней (прагматической) связности, т.е. такой связности, привносимой чем-то внешним по отношению к тексту, прежде всего знаниями его адресата. Опираясь на эти знания, можно конструировать «определенные ожидания и достраивать связи, отсутствующие в тексте в явном виде» [43, с. 219].

Категория когезии играет существенную роль в измерении сверхфразового единства, промежуточного объекта между предложением и текстом. Под этим термином понимается некое структурное единство, состоящее более чем из одного предложения, обладающее относительной смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающее как часть условно завершенной коммуникации [10, с. 52].

Для исследования когезии, создаваемой при помощи союзов, возьмем отрывок из рассказа О.Генри «The octopus marooned».

I asked Jeff, jestingly, if he had ever, during his checkered, plaided, mottled, pied and dappled career, conducted an enterprise of the class to which the word *trust* had been applied. Somewhat to my surprise he acknowledged the corner. "Once," said he. "And the state seal of New Jersey never bit into a charter that opened up a solidier and safer piece of legitimate octopusing. We had everything in our favor – wind, water, police, nerve, and a clean monopoly of an article indispensable to the public. There wasn't a trust buster on the globe that could have found a weak spot in our scheme. It made Rockefeller's little kerosene speculation look like a bucket shop. But we lost out.

Второй абзац представляет собой реплику в разговорном стиле. Он начинается с эллиптического предложения, которое следует в качестве ответа на вопрос в предыдущем предложении. После слов автора, которые обозначают говорящего, идет более подробное предложение, начинающееся с союза *and*. Такое начало не рекомендуется для письменной речи, но в разговорном языке оно выполняет важную коммуникативную функцию. Связь двух предложений может быть установлена после прослушивания второго, когда в нем обнаружится содержание, имеющее отношение к первому. Однако постановка союза в начале предложения является непосредственной отсылкой к предыдущей части информационного сообщения и значительно упрощает коммуникацию, лишая слушающего необходимости перерабатывать информацию второго предложения на предмет выяснения вопроса о связи его с первым; эта связь обозначается специальным знаком.

Аналогичный пример представляет собой последнее предложение отрывка, которое начинается с союза *but*. К союзу *but* применимы те же языковые законы, что и к союзу *and*, т.е. с него не рекомендуется начинать предложения в письменной речи. До известной степени эти союзы взаимозаменяемы. Роль его аналогична только что описанной роли предыдущего союза. Такого рода отсылки необходимы, если СФЕ разбивается на два предложения. Они помогают сохранять единство повествования, если по закону ритма английского языка, должна быть сделана пауза, разделяющая предложения. Маленькая выдержка из Марка Твена, «Science vs Luck»:

He brought in a cloud of witnesses, and produced an overwhelming mass of testimony, to show that old sledge was not a game of chance, but a game of science.

В этом предложении-абзаце использованы обособительных союза. Первый объединяет два последовательных действия (приведение свидетельств и зачитывание мнений), а второй соединяет отрицательное и утвердительное суждения. При помощи этих двух союзов в предложение включаются два дополнительных сказуемых; а всего их в предложении пять, что создает полный и связный фрагмент повествования. Теперь, рассмотрев простейшие случаи создания когезии при помощи союзов, рассмотрим более сложные примеры. Nowadays a boy cannot follow out a single natural instinct without tumbling over some of those everlasting aphorisms and hearing from Franklin on the spot. If he buys two cents' worth of peanuts, his father says, "Remember what Franklin has said, my son, - 'A groat a day's a penny a year;' " and the comfort is all gone out of those peanuts.

Это был фрагмент из Марка Твена, *The Late Benjamin Franklin*. Обратим внимание на второе предложение, начинающееся с условного союза *if*. Как мы знаем, условное предложение в английском языке образуется двумя способами: непосредственной постановкой специального союза или оборота (напр. *in case*), или особым порядком слов, когда на первое место выносится сказуемое. Первый способ намного более популярен нежели второй, который чаще встречается в письменной речи, чем в разговорной. Причина этого предпочтения кроется в большей способности первого способа создавать когезию повествования. Хотя союз *if* и двузначен (он может обозначать условие или косвенный вопрос), если он стоит в начале предложения, значение у него только одно условное. Между тем, вспомогательный глагол, стоящий в начале предложения, чаще обозначает вопрос, нежели условие. Поэтому, если писатель воспользуется специальным порядком слов, чтобы ввести условие, то он, конечно, добьется эстетического эффекта, но на читателя после прочтения предложения ляжет определенная нагрузка по идентификации роли стоящего в начале предложения вспомогательного глагола. Если же в тексте используется условный союз, то он сразу же определяет характер предложения.

Однако достаточно ли нам знать, что предложение, которое сейчас будет прочтено, условное, для того, чтобы установить его связь с предыдущими предложениями? Постараемся доказать, что достаточно. Как известно, всякое условие предполагает обязательный объект и его действие или качество. Иногда этот объект не сообщается читателю вплоть до постановки самого условия, когда следует изложение объекта, действия и возможного результата. Например, *If Mr. Cole goes downwards he won't find a way to pass.* В этом придуманном предложении говорится и о мистере Коуле, и о том, что будет, если он спустится вниз. Заметим, что раньше мы не подозревали ни о мистере Коуле, ни о месте, где он находится. Все это появилось в самом предложении с условием.

Если мы постараемся дать каждому предмету хотя бы по небольшому определению, то тем самым значительно перегрузим предложение. Логичнее было сначала написать несколько вводных предложений, например: *Mr. Cole is a policeman. Now he wants to walk along the Avon. If...* и так далее. Поэтому в практике и в традиции английского языка союз *if* употребляется только после того, как известен хотя бы объект, а еще лучше и его возможные действия. Так и у Марка Твена после *if* следует предложение где подлежащим является местоимение *he*, заменяющее уже упомянутого ранее

мальчика. Еще один пример из Марка Твена, взят из Приема у президента. *And so this is what you call a Presidential reception. I'm free to say that it just lays over anything that ever I saw out in the sage-brush.*

Здесь мы разберем роль местоименных союзов *what* и *that* в создании когезии текста. *What* и *that* (а также *who*) являются указательно-вопросительными местоимениями. Главная их семантическая роль это обобщение неограниченного количества информации до обозначения одним словом: то. Эта роль указательно-вопросительных местоимений, которые становятся местоименными союзами, наблюдается во множестве индоевропейских языков.

Когда мы говорили, о том, что информация, обобщаемая этими союзами, может быть неограниченного размера, мы не упомянули, что она должна быть выстроена по определенному правилу. Это правило таково, что всякое сообщение, которое сводится к местоименному союзу, должно являть собой

предложение (не причастный или деепричастный оборот!) Обычно, предложения с этими местоименными союзами имеют такую структуру: Прагматический аспект когезии это неотъемлемая сторона внутритекстовой связи. Нагрузка, накладываемая на внутритекстовую связь может быть достаточно разнообразна. В третьей главе мы исследовали только три функции: привлечение внимания читателя к новой информации, активизация внимания и эмоциональное усиление. Зачастую все эти три функции совмещаются в одном и том же механизме когезии, что легко обнаружить в примерах. Использование когезии для этих нужд не требует специальных усилий, т.к., таковая входит в саму систему языка. Однако небольшое грамотное усилие со стороны писателя может привести к появлению великолепных образцов литературного текста с прочной когезией, обладающей дополнительными функциями, в т.ч., изученными выше.

Когерентность дискурса – связность, целостность, системное и нелинейно функционирующее единство речемыслительных действий, направленных на (вос)производство смыслов. Дискурс возникает из некоторого противоречия или вопроса, возникшего в ходе общения и познания. В соответствии с тем, что является базовой проблемой дискурса, как в нем осуществляется проблематизация и как распределяются в дискурсном поле возможные ответы на главные вопросы, в определенном «режиме» начинают функционировать все параметры дискурса и связи между ними - предметная область, цели, языковые средства и речевые акты, когнитивные механизмы, специфика текстов, специфичные контексты реализации, характеристики коммуникативных ситуаций. Например, проблема профилактики патологий организма в медицинском дискурсе предопределяет такие значения параметров, как использование понятийных языковых средств, специальных условий общения, актуализации ситуационного или экзистенциального контекста и так далее. Подчеркнем: дискурсная практика есть не столько некоторый набор элементов, сколько система связей, делающих возможной эти элементы и «вдыхающих жизнь» в устойчивую структуру дискурса. Это система неоднородных связей. С одной стороны, «сцепление» значений параметров дискурса происходит в сознании субъекта и соответствует когнитивному уровню дискурса: мы сами решаем, например, какие языковые средства использовать для описания

некоторого положения дел и сами определяем переход от темы дискурса к выбору соответствующего жанра текстов. С другой стороны, корреляция параметров дискурса определяется нашей ориентацией на собеседника (оппонента, адресата, получателя информации, слушающего). Связность и динамика нашего дискурса зависит не только от наших собственных когнитивных усилий, но и в равной степени от принуждающего действия Другого, которое может быть и не совершено, но возможность, характер и содержание которого может предполагаться коммуникантами. Мы проецируем Другого на структуру дискурса, и это позволяет организовать элементы дискурса в единое динамичное и открытое целое.

Условно обозначим эти два типа корреляций как ментально-когнитивные и социально-коммуникативные. Ментально-когнитивные корреляции характеризуют тип связей между параметрами дискурса, которые устанавливаются на уровне сознания субъекта и репрезентируют его познавательный и речевой опыт. К корреляциям такого типа могут относиться, например, индивидуальные ценности, речевые навыки, эмоции, установки, потребности и интересы, ментальные схемы, etc. Социально-коммуникативные корреляции, напротив, выражают связи между параметрами, устанавливаемые нормативной средой коммуникации и включают в себя, например, языковые и речевые нормы, коллективные установки, «групповые привычки», «социальный тезаурус», etc. Ментально-когнитивные корреляции позволяют нам «говорить то, что думаем», а социально-коммуникативные – «говорить, не задумываясь»; ментально-когнитивные корреляции делают возможным трансформацию значения и смысла высказываний, социально-коммуникативные – воспроизводство значений и смыслов, усвоенных и накопленных в коллективном опыте. И ментально-когнитивные, и социально-коммуникативные корреляции не редуцируются к собственно дискурсу, а имеют либо психическую, либо социальную (но недискурсную) природу. К.д. возможна благодаря до-дискурсным явлениям, таким как, например, эмоции или объективные языковые нормы (например, нормы диалекта или социолекта). При этом и те, и другие могут быть обусловлены культурой, которая «программирует» определенные эмоциональные реакции индивида (например, патриотические чувства) и формирует определенную «грамматику

семиотического кода» (например, языковые конвенции профессиональных групп).

Ментально-когнитивные корреляции однозначно выражают конструктивное отношение к языку и речи и представлены «внутренними» познавательными и эмоционально-волевыми ресурсами субъекта, тогда как социально-коммуникативные корреляции всегда задаются извне и представлены совокупностью «внешних» норм, шаблонов и стандартов, некоторым коллективным опытом. Социально-коммуникативный «срез» дискурсной практики позволяет обнаружить репродуктивный потенциал дискурса, а ментально-когнитивный – его конструирующий и творческий характер (Е.А. Кожемякин).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики [Текст]: учебное пособие / сост. Л. Н. Чурилина. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 412 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст]: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.

3. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст]. – М.: Институт языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

4. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст]. – М.: МГУ, 1992. – 336 с.

5. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику [Текст]: учебное пособие / А.Ю. Маслова. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.

6. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст]: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – 432 с.

7. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст]: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

8. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Электронный ресурс]: учебное пособие. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 185 с. Режим доступа – <http://biblioclub.ru>

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ПРОВЕДЕНИЮ ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ №2

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ОБЩЕНИЯ

Основные вопросы:

1. Выявление степени сформированности научного представления о дискурсивном анализе.
2. Проверка уровня знаний о принципах противопоставления формализма и функционализма как двух противоположных направлений дискурсивных исследований.

Итак, мы пришли к выводу, что дискурс проникает в текст и одновременно заключает текст в себе, и вместе эти феномены составляют коммуникацию в социальной реальности. Теперь нам нужно установить, каким образом можно исследовать структурно-функциональные характеристики заданных компонентов с целью выявления их коммуникативно-прагматической направленности.

Понятие дискурс-анализа многогранно, как и понятие самого предмета – дискурса. В общем смысле дискурс-анализ – это ряд подходов в социальных науках, целью которых является критическое исследование дискурса, а основными задачами — анализ соотношения сил в обществе, при осуществлении которого формулируется нормативный подход, с позиции которого можно критически проанализировать эти соотношения в связи с социальными изменениями [Йоргенсен Марианне В., Филлипс Луиза Дж.].

В Социологическом словаре русского языка закреплено емкое определение анализа дискурса (дискурс-анализа), представляющее данное направление как совокупность методик и техник интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемых в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях []. Обратимся к истории становления и развития принципов исследовательской практики дискурс-анализа.

Впервые термин «Дискурс-анализ»¹ был использован в 1952 году Зеллигом Харрисом (discourse analysis); оформление же собственно научного направления связано с предпринимаемым с начала 70-х годов попытками дифференцировать понятия «текст» и «дискурс», бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми. Так, в данную пару был включен компонент «ситуация», соответственно, дискурс стал трактоваться как «текст+ситуация», а текст – как «дискурс–ситуация» [Widdowson 1973; Östman, Virtanen 1995: 240]. Стало очевидно, что коммуникацию можно создать только в социально-культурной среде. В этом и нашла выражение общая тенденция к пониманию дискурс-анализа как широкого подхода к изучению языковой коммуникации, для которого характерны, с одной стороны, повышенный интерес к более продолжительным, чем предложение, отрезкам речи и, с другой стороны, чувствительность к контексту социальной ситуации [Thompson 1984: 74].

Следует отметить по крайней мере две научные традиции, заложившие фундамент для исследований дискурс-аналитического характера. Во-первых, это традиция этнолингвистических исследований, ориентированных на запись и анализ устных текстов разных языков; в русле этой традиции работали представители разных научных школ, среди которых наиболее известная – школа американской этнолингвистики, основанная Францем Боасом. Во-вторых, это концепция чешской лингвистической школы, созданной Вилемом Матезиусом, которая возродила интерес к таким понятиям, как тема и коммуникативная организация текста.

В этот же период появились важные работы европейской школы лингвистики текста, а именно – Т.А. ван Дейка, В.Дресслера, Я.Петефи и др., а также труды американских ученых У.Лабова, Дж.Граймса, Р.Лонгакера, Т.Гивона, У.Чейфа, стимулировавшие строительство теоретической и методологической базы дискурса. В 1980–1990 гг. появляются обобщающие труды и учебные пособия, среди которых наиболее известны «Дискурсивный анализ» (Дж.Браун, Дж.Юл, 1983), «Структуры социального действия: Исследования по анализу бытового диалога» (редакторы – Дж.Аткинсон и Дж.Херитидж, 1984), четырехтомный «Справочник по дискурсивному анализу»

---

¹ Наряду с этим термином употребляются также «дискурсивный/дискурсный анализ» и «анализ дискурса»

(под редакцией Т.А. ван Дейка, 1985), «Описание дискурса (под редакцией» С.Томпсон и У.Манн, 1992), «Транскрипция дискурса» (Дж.Дюбуа и др., 1993), «Дискурсивные исследования» (Я.Ренкема, 1993), «Подходы к дискурсу» (Д.Шиффрин, 1994), «Дискурс, сознание и время» (У.Чейф, 1994), двухтомный труд «Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение» (под редакцией Т.А. ван Дейка, 1997).

Дискурс-анализ, как одно из ведущих междисциплинарных направлений, изучающих языковое общение, явился своеобразной реакцией на соссюрровский, а позже – хомскианский редуccionизм предмета языкознания. Во второй половине XX в. интересы языкознания отчетливо переместились в сферу языковой коммуникации, что воплотилось в появлении ряда «двойных» дисциплин (когнитивной, психо-, социо-, прагма- и прочих лингвистик).

Если в начале XX века лингвистику прежде всего занимал вопрос *Как устроен язык?*, то во второй его половине и особенно в последней трети больше внимания уделяется вопросу *Как функционирует язык?* Невозможность дать ответ на этот последний вопрос с позиций имманентной лингвистики предопределила расширение ее предмета и общую тенденцию к пересмотру философско-онтологических оснований всей дисциплины. К концу века заметно восстановление в правах интуиции и интроспекции, что, безусловно, объясняется ростом внимания к человеческому фактору, субъективности в лингвистике. Говоря о перспективах развития науки о языке, А. Е. Кибрик [1995: 219] прогнозирует переход от дискретной лингвистики, опирающейся на классическую аристотелевскую логику понятий, к науке, построенной на логике прототипов и размытых множеств; на смену таксономической, сосредоточенной на вопросе КАК?, приходит объяснительная ПОЧЕМУ – лингвистика. В этой связи по-новому мыслится спор формализма и функционализма.

Дискуссия о формализме и функционализме [functionalism vs . formalism debate – см.: Nuyts 1995: 293; Schiffrin 1994: 20 – 23; Leech 1983: 46] имеет две стороны, на практике, как правило, взаимосвязанные: во-первых, сталкиваются два трудно совместимых взгляда на лингвистические исследования (методологический аспект), во-вторых, обсуждаются различные точки зрения на природу самого языка (теоретический аспект).

Формализм исходит либо из утверждения об отсутствии у языка собственных точно определяемых функций, либо из теории о полной независимости формы от функции, ключевые понятия здесь: *autonomy* и *modularity* [Newmeyer 1988a; 1991]. Поэтому в своей методологии формализм настаивает на анализе структурных особенностей «языка в себе», не отягощенном изучением «языка в общении».

Принцип функционализма, опираясь на метафору «языка-инструмента», исходит из семиотического понимания языка как системы знаков, которая служит или используется для достижения каких-либо целей, выполнения каких-то функций. Методология функционализма предполагает изучение и структуры, и функционирования языка с целью выявления соответствий между ними. Теоретически функционализм основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией, учете влияния употребления языка на его структуру.

В разные периоды функционализм был присущ многим лингвистическим и не только лингвистическим направлениям, например, он практически всегда присутствовал в психологии языка [Bühler 1934]. Формализм как научный принцип «явно моложе» [Nuyts 1995: 294]. Формализм, о борьбе с которым говорил Л. В. Щерба [1974: 75], намечая линии «перестройки старой грамматики», характерен для теорий, имеющих позитивистскую ориентацию, методологически ассоциированных с американским структурализмом (в отличие от большинства европейских школ структурализма). В 60 – 70-х годах прошлого века формализм оказал влияние на психологию языка своей критикой функционализма за его альянс с бихевиоризмом, со своей стороны предложив ментализм генеративной грамматики, хотя в психологии языка формализм по-настоящему так и не состоялся.

Генеративной лингвистике и многим другим направлениям середины века было присуще стремление к разработке строгих исследовательских процедур, основанных на логике формальных критериев, допускающих алгоритмическую верификацию. Автономности и ментализму формальных теорий функционализм противопоставил изучение языка в широком социокультурном контексте.

Функционализм придерживается следующих принципов или «аксиом», формирующих «грамматику языковых игр» сторонников

данного подхода [ср.: Кобрин 1981; Бондарко 1984; Givón 1995; Nuyts 1995]:

Язык – это социально-культурная деятельность;
структура языка обусловлена когнитивной или коммуникативной функцией;

структура не произвольна, а мотивирована, иконична;

постоянно имеют место изменения и вариативность;

значение зависит от контекста, оно неатомично;

категории размыты, «менее чем дискретны»;

структура — гибкая, адаптивная система, а не застывшее формирование;

грамматики постоянно возникают и видоизменяются;

грамматические правила допускают отклонения.

Все эти принципы справедливы, но лишь в известной мере и «только в определенных контекстах» [Givón 1995: 9]. Пафос данного манифеста направлен не столько против формальных методов исследования, сколько против связанного с ним редуционизма. Ведь голое отрицание постулатов Соссюра и Хомского приводит к обратному редуционизму (отрицая полную произвольность и немотивированности грамматики, функционализм готов вывести ее полную мотивированность, иконичность и т. д.). Так функционализм, временами откровенно скатываясь к релятивизму, загадочным образом «превращается в карикатуру Хомскианства» [Givón 1995: XVII]. Чтобы избежать этого, дискурс-анализ, будучи представителем функциональной парадигмы, органично интегрирует достижения и данные всей предшествующей формально-структурной лингвистики. Причем для этого у него есть свои особенные предпосылки: сама история возникновения дискурс-анализа как самостоятельного научного направления в изучении языка и языкового общения говорит о его глубоких формальных и структурных корнях.

Методы дискурсивного анализа. Три основных раздела дискурсивного анализа

(Устный) дискурс, (письменный) текст и ситуация

Соотношение понятий дискурс, текст и речь дискутируется давно и с неизменным интересом [например, см. Бисималиева 1999]. Эти категории требуют краткого комментария и в данной работе. Иногда их разграничивают по оппозиции письменный текст

vs . устный дискурс, что неоправданно сужает объем данных терминов, сводя их к двум формам языковой действительности – использующей и не использующей письмо [ср.: Гальперин 1981: 18; Гиндин 1981: 29; Москальская 1981; Дридзе 1984; Тураева 1986; Филиппов 1989; Реферовская 1989; written text vs . spoken discourse – Coulthard 1992; 1994]. Такой подход весьма характерен для ряда формальных подходов к исследованию языка и речи.

На основании этой дихотомии некоторые исследователи склонны разграничивать дискурс-анализ (объектом которого, по их мнению, должна быть лишь устная речь) и лингвистику (письменного) текста: «there is a tendency ... to make a hard - and - fast distinction between discourse (spoken) and text (written). This is reflected even in two of the names of the discipline(s) we study –discourse analysis and text linguistics» [Hoey 1983/4: 1]. Такой подход просто не срабатывает в целом ряде случаев, например, доклад можно рассматривать одновременно и как письменный текст, и как публичное выступление, т. е. коммуникативное событие, хотя и монологическое (в традиционных терминах) по своей форме, но тем не менее отражающее всю специфику языкового общения в данном типе деятельности [Goffman 1981]. О неадекватности строгого разграничения дискурса и текста пишет и сам Хоуи : «it (the distinction. – M. M.) may at times obscure similarities in the organisation of the spoken and written word» [Hoey 1983/4: 1].

В начале 70-х годов была предпринята попытка дифференцировать понятия текст и дискурс, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми, с помощью включения в данную пару категории ситуация. Так, дискурс предлагалось трактовать как «текст плюс ситуация», в то время как текст, соответственно, определялся как «дискурс минус ситуация» [Widdowson 1973; Östman, Virtanen 1995: 240]. В этом нашла выражение общая тенденция к пониманию дискурс-анализа как широкого подхода к изучению языковой коммуникации, для которого характерны, с одной стороны, повышенный интерес к более продолжительным, чем предложение, отрезкам речи и, с другой стороны, чувствительность к контексту социальной ситуации: Discourse analysis is «a rapidly expanding body of material which is concerned with the study of socially situated speech... united by an interest in extended sequences of speech and a sensitivity to social context» [Thompson 1984: 74].

Термин дискурс, понимаемый как речь, «погруженная в жизнь», в отличие от текста, обычно не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [ЛЭС: 137], хотя в последнее время наметилась тенденция к применению методологии дискурс-анализа и самого термина дискурс к языковому материалу разной культурно- исторической отнесенности, например Библейским текстам и апокалиптической литературе [Arens 1994; O'Leary 1994], а также произведениям литературы, текстам массовой культуры, психоанализу [см.: Гаспаров 1996; Миловидов 2000; Rimmon – Kenan 1987; Shotter 1993; Bracher 1993; 1994; Salkie 1995 и др.].

Дискурс/диалог/процесс vs. текст/монолог/продукт

Некоторые лингвисты трактуют дискурс как подчеркнуто интерактивный способ речевого взаимодействия, в противовес тексту, обычно принадлежащему одному автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией диалог vs монолог. Само по себе последнее разграничение довольно условно, потому что наиболее естественным проявлением языковой активности следует считать диалог (даже монолог по-своему диалогичен – он всегда обращен к адресату, реальному или гипотетическому, alter ego говорящего). О диалогичности языка, речи и сознания писали очень многие [ср.: Волошинов 1929; Бахтин 1979; 1995; Радзиховский 1985; 1988; Якубинский 1986; Бенвенист 1974; Выготский 1934; 1982; Hagège 1990; Burton 1980; Myerson 1994; Weigand 1994; Shotter 1995; Baxter, Montgomery 1996 и др.].

Дискурс-анализ изучает социокультурные, интерактивные стороны языкового общения, но из этого не следует вывод об ограниченности его интересов только лишь устным диалогом: практически любой фрагмент языкового общения, включая самый банальный письменный текст, может быть рассмотрен под этим углом зрения.

Во многих функционально ориентированных исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду оппозитивных критериев: функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность и актуальность – виртуальность. Соответственно, различаются структурный текст-как-продукт и функциональный дискурс-как-процесс [text - as -

product , discourse - as – process – Brown , Yule 1983: 24; Textais-Struktur, Text - in – Funktion – Hess-Lüttich 1979: 25].

Вариация на ту же тему, близкая третьему определению дискурса по Д. Шифрин, переходит в точку зрения на текст как на абстрактный теоретический конструкт, реализующийся в дискурсе [van Dijk 1977:3; 1980: 41] так же, как предложение актуализуется в высказывании (sentence vs . utterance). Это один из способов теоретически связать форму с функцией. Другими авторами это отношение переносится на целый ряд категорий: грамматисты говорят об узусе, предложении, локуции, тексте, когезии; в то время как представители дискурс-анализа имеют дело с употреблением, высказыванием, иллокуцией, дискурсом, когеренцией [Coulthard 1977: 9].

По выражению Дж. Лича, текст реализуется в сообщении, посредством которого осуществляется дискурс: «discourse by means of message by means of text » [Leech 1983: 59]. Таким образом, в сложившихся рядах понятий предложение и текст отходят к первому, а ко второму, соответственно, – высказывание и дискурс [ср.: Stubbs 1983: 9; Werth 1984: 11; Mey 1993: 187]. Если принять, что первый принадлежит уровню языка, а второй — языкового общения, то подобное разграничение приобретает смысл и оказывается методологически полезным.

Методы дискурсивного анализа

Методы, используемые разными школами дискурсивного анализа, весьма разнообразны. В частности, анализ бытового диалога и работы Чейфа опираются на естественный дискурсивный материал. При этом в анализе бытового диалога обобщения добываются путем выявления повторяющихся, доминирующих моделей, а Чейф отдает приоритет методу интроспекции. В работах Томлина эмпирический материал состоит не из естественных, а из экспериментальных данных, а обработка материала включает стандартное для когнитивной психологии использование статистических тестов. Особый круг методологических вопросов связан с транскрибированием устного дискурса. Любая попытка объективной письменной фиксации (транскрибирования) устного языка вынуждает решать множество сложных интерпретационных и технических проблем, неизвестных лингвистам, изучающим исключительно письменные тексты. Специалисты по дискурсу

давно поняли, что при фиксации устной речи важны не только слова, но и множество других обстоятельств – паузы, просодия, смех, наложение реплик, незаконченность реплик и т.д. Без этих деталей осмысленный анализ устного дискурса попросту невозможен. При этом разработка последовательных методов транскрипции и выбор разумного уровня детализации являются чрезвычайно непростыми проблемами. Поэтому в настоящее время принципы транскрибирования устного дискурса являются предметом едва ли не целого научного направления (работы группы Е.А. Земской, Дж.Дюбуа и его соавторов, Дж.Гамперса и др.). Еще одно важное методологическое нововведение последних лет – все более активное использование корпусов текстов в дискурсивном анализе. В мире существует целый ряд компьютерных корпусов, насчитывающих миллионы словоупотреблений, которые могут применяться для проверки выдвигаемых гипотез. Большинство этих корпусов связаны с английским языком, но имеются корпуса и по некоторым другим языкам.

3. Проверка уровня знаний об аспектах исследования информационного потока.

Исследование информационного потока

Это необщепринятое название связано главным образом с именем американского лингвиста У.Чейфа. Еще в 1976 году Чейф опубликовал получившую широкую известность статью о категориях данного, определенного, подлежащего, темы/топика и др., в которой эти понятия были переосмыслены в когнитивных терминах, в связи со структурами человеческого сознания и памяти. В коллективной монографии 1980 года «Рассказы о грушах. Когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования» описывалось проведенное под руководством Чейфа исследование, в котором в методологию теоретической лингвистики были включены элементы психологического эксперимента. Авторы демонстрировали испытуемым специально снятый небольшой фильм (о мальчике, собирающем груши), а затем записывали и транскрибировали их пересказы этого фильма. Эксперимент варьировался с испытуемыми разных возрастов, с носителями разных языков и с различными временными

интервалами между просмотром фильма и записью пересказа. Анализ всего многообразия полученных материалов позволил сделать множество выводов о дискурсивных процессах, в частности о динамике сознания говорящего во времени, о языковых коррелятах движущихся «фокусов сознания», о культурных различиях между носителями разных языков в отношении выбора релевантной информации и построения дискурса, о когнитивных мотивациях синтаксических выборов – таких, как употребление местоимений, именных групп, выбор подлежащего. Последняя по времени книга Чейфа «Дискурс, сознание и время. Текущий и отстраненный сознательный опыт при речи и письме» суммирует результаты предыдущих исследований. Эта работа Чейфа основана на очень большом эмпирическом материале – корпусе разговорного английского языка.

Центральный феномен, контролирующий использование языка, – это, по Чейфу, сознание (англ. *consciousness*; другие исследователи для обозначения того же самого феномена используют такие более технические термины, как оперативная или активная память, центральный процессор, буфер и т.д.). Сознание, согласно Чейфу, по своей природе фокусируется в каждый момент на каком-то фрагменте мира, и этот фокус постоянно перемещается. Сфокусированность сознания на некоторой информации означает, что данная информация активирована. Чейф придерживается трехчленной классификации состояний активации: активная информация, полуактивная и инактивная. Полуактивной является информация, которая недавно вышла из активного состояния или каким-то образом связана с информацией, активной в данный момент. На базе этих понятий определяется тройка «данное – доступное – новое». Это трехчленное противопоставление имеет целый ряд отражений в языке. Так, референты, имеющие статус «данное», обычно обозначаются слабоакцентированными местоимениями или нулем, а имеющие статус «доступное» или «новое» – ударными полными именными группами.

Фундаментальное эмпирическое наблюдение Чейфа состоит в том, что устный дискурс порождается не как плавный поток, а толчками, квантами. Эти кванты, чаще всего соизмеримые по объему с одной предикацией, именуются интонационными единицами (ИЕ). Каждая ИЕ отражает текущий фокус сознания, а

паузы или другие просодические границы между ИЕ соответствуют переходам сознания говорящего от одного фокуса к другому. Средняя длина ИЕ для английского языка – 4 слова. Прототипическая ИЕ, совпадающая с клаузой, вербализует таким образом событие или состояние. Наряду с прототипическими ИЕ достаточно часты и маргинальные виды ИЕ – незавершенные, ошибочные начала, наложения речи двух или более собеседников и т.д.

В работе Чейфа содержится целый ряд открытий, проливающих новый свет на структуру человеческого дискурса. Во-первых, Чейфом сформулировано ограничение «один элемент новой информации в ИЕ». В соответствии с этим ограничением в ИЕ обычно содержится не более и не менее, чем один новый референт или одно событие. Когнитивная причина подобного ограничения – невозможность активации (перевода из инактивного состояния в активное) более одного элемента информации в рамках одного фокуса сознания. Данное обобщение может претендовать на статус одного из наиболее важных результатов, полученных в дискурсивном анализе. Еще одно интересное обобщение, формулируемое Чейфом, касается вопроса о том, какой референт говорящий выбирает в качестве подлежащего. Чейф предполагает, что таковым выбирается так называемая «легкая» информация, которая объединяет данное (в 81% случаев в использованной текстовой выборке), доступное (в 16% случаев) и несущественное новое.

Среди исходных понятий концепции Чейфа отсутствует понятие предложения. В рамках устного дискурса – основного вида использования языка – статус этого понятия неочевиден. Предложение традиционно считается столь базисным феноменом лишь в силу гипертрофированной роли письменной формы языка в лингвистике. В устном же языке несомненны лишь такие составляющие, как дискурс и ИЕ, а предложение – это нечто промежуточное. Чейф высказал догадку, что предложение – это, с когнитивной точки зрения, «суперфокус сознания», т.е. объем информации, превосходящий обычный фокус сознания (последний, напомним, соответствует одной ИЕ), являющийся максимальным объемом информации, доступным для одновременного удержания в сознании человека, и не способным содержать более одной новой идеи. Суперфокусы сознания и предложения возникли в результате

эволюционного развития мыслительных способностей человека (в отличие от обычного фокуса сознания, который задан нейропсихологическими свойствами человеческого мозга). В процессе порождения дискурса человек мысленно просматривает, сканирует текущий суперфокус и разбивает его на отдельные фокусы, соизмеримые с объемом сознания. Характерная интонация конца предложения имеет место тогда, когда заканчивается процесс такого сканирования.

Еще одно важный элемент в концепции Чейфа – понятие топика. Топик по Чейфу (существуют и другие понимания этого термина) – это комплекс взаимосвязанных идей (референтов, событий, состояний), находящихся в полуактивном сознании. Проще говоря, к топику дискурса относится все то, о чем говорится в этом дискурсе, но не все элементы топика активны в каждый момент дискурса. Такой подход к понятию топика позволяет объяснить феномен целостности дискурса. Чейф рассматривает несколько процедур развития топика – главным образом, диалогическую и нарративную, а также усеченные и второстепенные топики. На языковом уровне топики задают фрагменты дискурса, существенно большие, чем ИЕ, – а именно эпизоды. Предложения же являются промежуточными составляющими между этими двумя уровнями.

Исследования дискурса в русистике

В русистике дискурсивные явления (хотя и без употребления данной терминологии) активно исследовались в 1970–1980-е годы в рамках проекта Института русского языка Академии наук по изучению русской разговорной речи (Е.А.Земская и группа ее соавторов), а также некоторыми другими исследователями (Б.М.Гаспаров, О.А.Лаптева, О.Б.Сиротинина). Был записан и затранскрибирован большой массив устных диалогов и монологов, которые затем подверглись детальному исследованию. В этом проекте разговорная речь рассматривалась на фоне более привычного для лингвистического анализа письменного языка (точнее, кодифицированного литературного языка). На русском материале Земская и ее соавторы открыли и описали многие особенности разговорной речи – такие, как ее творческий характер (в том числе в словообразовании) и одновременно клишированность, связь с конситуацией, активное использование

просодии и жестов. Впервые были описаны многие принципиально важные явления устного русского языка – например, тенденция к помещению рематических компонентов в начало синтагмы. Е.Н.Ширяевым было проведено сопоставление устного диалога и монолога (повествовательного). О.А. Лаптева указала на дискретность устной речи, ее порождение в виде последовательности сегментов, а также на неприменимость стандартного понятия предложения к устной речи.

Направления и подходы в дискурсивном анализе

Дискурсивный анализ, будучи молодой дисциплиной, весьма неоднороден, и никакого единого подхода, разделяемого всеми специалистами по дискурсу, в нем не существует. Однако можно выделить наиболее популярные на сегодняшний день подходы.

На первом месте следует указать направление, известное как анализ бытового диалога. Другие ведущие направления дискурсивного анализа в основном группируются вокруг исследований отдельных ученых и их непосредственных последователей. Следует упомянуть такие школы, как исследование информационного потока (information flow) У.Чейфа, исследования связей между грамматикой и межличностным взаимодействием в диалоге (С.Томпсон, Б.Фокс, С.Форд), когнитивную теорию связи дискурса и грамматики Т.Гивона, экспериментальные дискурсивные исследования Р.Томлина, «грамматику дискурса» Р.Лонгейкра, «системно-функциональную грамматику» М.Хэллидея, исследование стратегий понимания Т.ван Дейка и У.Кинча, общую модель структуры дискурса Л.Поланьи, социолингвистические подходы У.Лабова и Дж.Гамперса, психолингвистическую «модель построения структур» М.Гернсбакер, а в несколько более ранний период также дискурсивные штудии Дж.Граймса и Дж.Хайндса. Разумеется, этот перечень далеко не полон – дискурсивный анализ представляет собой конгломерат разрозненных (хотя и не антагонистических) направлений. Ниже более или менее подробно охарактеризованы лишь некоторые из перечисленных подходов к исследованию дискурса.

Когнитивная функциональная грамматика

Явления информационного потока исследуются также в работах американского когнитивного лингвиста Р.Томлина. Томлин исследует классические «информационные» категории, в первую очередь тему (топик) и данное/новое. Он предлагает радикально переопределить эти теоретически неясные понятия в когнитивных терминах, опираясь на факты, независимо установленные в когнитивной психологии. В частности, Томлин предлагает заменить понятия темы (топика) на фокусное внимание, а понятие данного на активированное в памяти (что аналогично гипотезе Чейфа). Экспериментально манипулируя состояниями внимания и памяти говорящего, можно проверить, как когнитивные характеристики реализуются в грамматической структуре. В одной из работ Томлин описывает изощренную экспериментальную методику, которая была создана для выяснения когнитивных оснований грамматических выборов, совершаемых говорящим. Томлин создал мультфильм, состоящий из серии эпизодов, в каждом из которых две рыбы плывут навстречу друг другу, а потом одна из них съедает другую. Испытуемые, описывающие (на английском и ряде других языков) акт съедания в реальном времени, последовательно трактуют рыбу, на которой экспериментатор фокусирует их внимание, как подлежащее используемого ими предложения, причем залог соответствующего предиката оказывается активным или пассивным в зависимости от того, была ли эта рыба агенсом или пациенсом в акте съедания (т.е. съедала она другую рыбу или была ею съедена). В другой работе описывается экспериментальное манипулирование активной памятью говорящего, строящего дискурс на китайском языке. Референты, которые испытуемый считает активированными для адресата, кодируются местоименными именными группами, а те, которые не активированы, – полными именными группами. В серии последних работ Томлин заявил о более обширной исследовательской программе, которую он называет когнитивной функциональной грамматикой. Ее компоненты – модель представления событий и их отображения на языковую структуру, модель когнитивной системы говорящего и методология экспериментальной верификации каузальных связей между когнитивными и языковыми явлениями.

Анализ бытового диалога

Это направление (иногда называемое также анализом разговора или конверсационным анализом, англ. *conversation analysis*) было основано в начале 1970-х годов группой американских социологов на базе так называемой «этнометодологии». Этнометодология – течение, возникшее в 1960-х годах в американской социологии под лозунгами отказа от излишнего теоретизирования и априорных схем и приверженности эмпирическому материалу. Согласно заявленной цели этнометодологии, аналитику при анализе материала следует имитировать процедуры, выполняемые рядовыми представителями культурно-этнической группы, пытаться понять процедуры социального взаимодействия с позиций такого «обычного человека». Анализ бытового диалога – приложение этих общих принципов этнометодологии к языковому взаимодействию. Одной из ключевых работ, положивших начало анализу бытового диалога как четко очерченному направлению, стала статья Дж.Сакса, Э.Шеглоффа и Г.Джефферсона Простейшая систематика чередования реплик в разговоре (1974). Изначально разработанный социологами, анализ бытового диалога приобрел популярность среди лингвистов. Иногда его противопоставляют дискурсивному анализу, но для этого нет серьезных оснований, так что анализ бытового диалога следует считать одним из направлений дискурсивного анализа.

В работах по анализу бытового диалога было уделено внимание ряду вопросов, которые были мало исследованы лингвистами. В первую очередь, это – правила чередования реплик в диалоге, или правила перехода «права говорить» от одного собеседника к другому. В соответствии с такими правилами, которые в основном сводятся к вопросу о том, «назначает» ли текущий говорящий следующего говорящего, выявляются несколько видов пауз в диалоге, таких, как заминка, пауза при смене темы, значимое молчание (отказ говорить).

Другое явление, которому было уделено большое внимание, – смежные пары (*adjacency pairs*), т.е. типовые последовательности реплик, например вопрос – ответ, приветствие – приветствие, приглашение – принятие приглашения и т.д. Внутри смежной пары может вкладываться другая смежная пара, как в следующем диалоге: Вопрос 1: Не подскажете, где здесь почта? – [Вопрос 2: Видите тот киоск? – Ответ 2: Да.] – Ответ 1: Там надо повернуть

направо. Такого рода вложения могут быть многоступенчатыми. В смежных парах реакции (т.е. вторые части) могут быть предпочтительными и неpreferchительными. Например, предпочтительной реакцией на приглашение является принятие приглашения. Неpreferchительные реакции – такие, как отказ от приглашения, – характеризуются тем, что им обычно предшествует пауза-заминка, а сами они более длинные и включают преамбулу и мотивировку.

Еще одно явление, подробно исследованное в работах по анализу бытового диалога, – поправки, или уточнения (repairs), т.е. реплики, которые корректируют сказанное ранее данным говорящим или его собеседником. Также в анализе бытового диалога значительное внимание уделяется глобальной организации (макроструктуре) диалога, невербальным и невокальным действиям (ритму, смеху, жестам, фиксации взгляда на собеседнике).

Подходу, представленному анализом бытового диалога, весьма близки положения так называемой «школы языкового существования», сложившейся в Японии в 1940–1950-е годы под влиянием идей М.Токиэда. Его последователями был накоплен огромный эмпирический материал, однако сколько-нибудь серьезного влияния на развитие лингвистической науки за пределами Японии «школа языкового существования» не оказала.

Ряд ученых, в первую очередь американский лингвист С.Томпсон и ее ученики, попытались применить методы анализа бытового диалога в собственно лингвистических исследованиях. В этих работах исследовались в дискурсивной перспективе такие традиционные проблемы английской грамматики, как свойства прилагательного, зависимые предикации, предикатные имена. В книге С.Форд Грамматика во взаимодействии (1993) исследуются принципы употребления обстоятельственных придаточных – в первую очередь временных, условных и причинных – в разговоре. Форд противопоставляет расположение придаточных перед главным предложением и после него, причем в последнем случае различается непрерывная и завершающая интонация в главном предложении. Опираясь на методологию анализа бытового диалога, Форд объясняет функциональные различия между этими тремя типами. В частности, препозитивные (стоящие перед главным) придаточные выполняют функцию структурирования дискурса, а постпозитивные имеют более узкую область действия,

распространяющуюся на главное предложение. Форд также предлагает объяснения для неравномерного распределения семантически различных придаточных по позициям относительно главного предложения. Так, причинные придаточные никогда не бывают в препозиции, а условные оказываются в препозиции более чем в половине случаев.

4. Критический анализ сообщений о применении методов анализа бытового диалога в собственно лингвистических исследованиях.

5. Формирование умения проподить анализ бытового диалога.

Место дискурсивного анализа в лингвистике

Начиная с 1970-х годов и особенно в 1980–1990-е годы исследования дискурса стали важной частью компьютерной лингвистики, и в настоящее время любая конференция по компьютерной лингвистике обязательно включает секцию по дискурсивным исследованиям. К числу известных специалистов в этой области относятся Б.Грос, К.Сайднер, Дж.Хиршберг, Дж.Хоббс, Э.Хови, Д.Румелхарт, К.Маккьюин и др. Некоторые важные идеи дискурсивного анализа были сформулированы в компьютерной лингвистике едва ли не раньше, чем в теоретической. Так, еще в середине 1970-х годов Б.Грос ввела понятие фокусирования, которое позже повлияло на когнитивные исследования в области референции. С конца 1970-х годов изучение дискурсивных процессов велось также в ряде отечественных научных центров, занимавшихся проблемами искусственного интеллекта и автоматической обработки естественного языка.

Формальная лингвистика в целом не очень активно интересуется проблемами дискурса. Отчасти это связано с объективной сложностью формализации дискурсивных процессов, отчасти с хомскианским постулатом о центральности синтаксиса. Однако некоторые формальные лингвисты пытаются ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики (это касается вопросов референции и темо-рематической структуры, например в работах Т.Райнхарт). В формальной семантике существуют несколько направлений, объявляющих дискурс сферой своего интереса. В частности, это относится к теории репрезентации дискурса немецкого логика

Х.Кампа, исследующей в первую очередь языковую квантификацию и временные категории.

В настоящее время дискурсивный анализ вполне институционализировался как особое (хотя и междисциплинарное) научное направление. Издаются специализированные журналы, посвященные анализу дискурса – «Text» и «Discourse Processes». Наиболее известные центры дискурсивных исследований находятся в США – это университет Калифорнии в Санта-Барбаре (где работают У.Чейф, С.Томпсон, М.Митун, Дж.Дюбуа, П.Клэнси, С.Камминг и др.), университет Калифорнии в Лос-Анджелесе (там работает Э.Шеглофф, один из основателей анализа бытового диалога), университет Орегона в Юджине (там работают Т.Гивон, Р.Томлин, Д.Пэйн, Т.Пэйн), Джорджтаунский университет (давний центр социолингвистических исследований, среди сотрудников которого – Д.Шиффрин). В Европе следует указать Амстердамский университет, где работает классик дискурсивного анализа Т. ван Дейк.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики [Текст]: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 412 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст]: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.
3. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст]. – М.: МГУ, 1992. – 336 с.
4. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте [Текст]. / О.А. Лаптева. – 6-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 517 с.
5. Лурия А.Р. Письмо и речь: нейролингвистические исследования [Текст]. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 352 с.
6. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику [Текст]: учебное пособие / А.Ю. Маслова. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.

7. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст]: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – 432с.
8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст]: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факты и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С.71.
10. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод [Текст] / Пер. с англ.— 2-е изд., испр.— Издательство: Х: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
11. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Электронный ресурс]: учебное пособие. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 185 с. Режим доступа – <http://biblioclub.ru>

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ПРОВЕДЕНИЮ ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ № 3 (4 ЧАСА)

СТРУКТУРА ДИСКУРСА

1. Систематизация знаний о структурной организации дискурса.
2. Выявление степени сформированности научного представления о функционировании дискурса как социального и когнитивного феномена (с опорой на презентацию А.А. Кибрика)
3. Проверка уровня знаний об основных категориях микроструктуры (локальной) и макроструктуры (глобальной). Аспекты единства дискурса: категория связности, структура монолога и диалога, реализация интенций
4. Проверка уровня сформированности научного представления об интеграции знаний в дискурсе (эксплицитные и имплицитные знания) (по презентации А.А. Кибрика)
5. Выявление уровня знаний о категориях локальной структуры (по У.Чейфу)

Структурно-лингвистическое описание дискурса (см. презентацию А.А. Кибрика)

Структурообразующие параметры дискурса

Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, – вопросы структуры дискурса. Следует различать разные уровни структуры – макроструктуру, или глобальную структуру, и микроструктуру, или локальную структуру. Макроструктура дискурса – это членение на крупные составляющие: эпизоды в рассказе, абзацы в газетной статье, группы реплик в устном диалоге и т.д. Между крупными фрагментами дискурса наблюдаются границы, которые помечаются относительно более длинными паузами (в устном дискурсе), графическим выделением (в письменном дискурсе), специальными лексическими средствами (такими служебными словами или словосочетаниями, как *а, так, наконец, что касается* и т.п.). Внутри крупных фрагментов дискурса наблюдается единство – тематическое, референциальное (т.е. единство участников описываемых ситуаций), событийное, временное, пространственное и т.д. Различными исследованиями, связанными с макроструктурой дискурса, занимались

Е.В.Падучева, Т. ван Дейк, Т.Гивон, Э.Шеглофф, А.Н.Баранов и Г.Е.Крейдли и др.

Специфическое понимание термина «макроструктура» представлено в трудах известного нидерландского исследователя дискурса (и выдающегося организатора лингвистики текста и впоследствии дискурсивного анализа как научных дисциплин) Т. ван Дейка. Согласно ван Дейку, макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания. Макроструктура представляет собой последовательность макропропозиций, т.е. пропозиций, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным правилам (так называемым макроправилам). К числу таких правил относятся правила сокращения (несущественной информации), обобщения (двух или более однотипных пропозиций) и построения (т.е. комбинации нескольких пропозиций в одну). Макроструктура строится таким образом, чтобы представлять собой полноценный текст. Макроправила применяются рекурсивно (множественно), поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения. Фактически макроструктура по ван Дейку в других терминах называется рефератом или резюме.

Последовательно применяя макроправила, теоретически можно построить формальный переход от исходного текста Войны и мира к реферату, состоящему из нескольких предложений. Макроструктуры соответствуют структурам долговременной памяти – они суммируют информацию, которая удерживается в течение достаточно длительного времени в памяти людей, услышавших или прочитавших некоторый дискурс. Построение макроструктур слушающими или читающими – это одна из разновидностей так называемых стратегий понимания дискурса. Понятие стратегии пришло на смену идее жестких правил и алгоритмов и является базовым в концепции ван Дейка. Стратегия – способ достижения цели, который является достаточно гибким, чтобы можно было скомбинировать несколько стратегий одновременно.

Помимо «макроструктуры» ван Дейк выделяет также понятие суперструктуры – стандартной схемы, по которой строятся конкретные дискурсы. В отличие от макроструктуры, суперструктура связана не с содержанием конкретного дискурса, а с его жанром. Так, нарративный дискурс, согласно У.Лабову,

стандартно строится по следующей схеме: краткое содержание – ориентация – осложнение – оценка – разрешение – кода. Такого типа структуры часто именуют нарративными схемами. Другие жанры дискурса также имеют характерные суперструктуры, но изучены гораздо хуже.

Многочисленные публикации ван Дейка сделали термин «макроструктура» чрезвычайно популярным – но, парадоксальным образом, скорее в том значении, для которого он сам предлагал термин «суперструктура»; последний же сколь-нибудь широкого распространения не получил.

Еще один важный аспект глобальной структуры дискурса был отмечен американским психологом Ф.Бартлеттом в книге «Память» (Remembering). Бартлетт обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности. Такие стереотипные фоновые знания Бартлетт называл схемами. Например, схема квартиры включает знания о кухне, ванной, прихожей, окнах и т.п. Характерная для России схема поездки на дачу может включать такие компоненты, как прибытие на вокзал, покупка билета на электричку и т.д.

Наличие схематических представлений, разделяемых языковым сообществом, решающим образом влияет на форму порождаемого дискурса. Это явление было заново «открыто» в 1970-е годы, когда появился целый ряд альтернативных, но весьма близких по смыслу терминов. Так, американские специалисты в области искусственного интеллекта предложили термины «фрейм» (М.Минский) и «скрипт» (Р.Шенк и Р.Абельсон). «Фрейм» в большей степени относится к статическим структурам (типа модели квартиры), а «скрипт» – к динамическим (типа поездки на дачу или посещения ресторана), хотя сам Минский предлагал использовать термин «фрейм» и для динамических стереотипных структур. Английские психологи А.Сэнфорд и С.Гаррод пользовались понятием «сценарий» (scenario), очень близким по смыслу к термину «скрипт». Очень часто никакого различия между понятиями «скрипт» и «сценарий» не проводится; при этом в русском языке используется обычно второй термин.

Следует заметить, что еще до Минского термин «фрейм», а также производные термины «фрейминг» и «рефрейминг» использовались Э.Гоффманом и его последователями в социологии

и социальной психологии для обозначения различных способов видения общественно значимых проблем (например, ядерная энергетика может подводиться под фреймы ПРОГРЕСС, ВЗБЕСИВШАЯСЯ ТЕХНОЛОГИЯ, СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ), а также средств, используемых для поддержания того или иного видения. Особое значение термины «фрейм» и «рефрейминг» имеют также в прикладной коммуникативно-психологической методике, известной как нейро-лингвистическое программирование (НЛП).

В противоположность макроструктуре, микроструктура дискурса – это членение дискурса на минимальные составляющие, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню. В большинстве современных подходов такими минимальными единицами считаются предикации, или клаузы. В устном дискурсе эта идея подтверждается близостью большинства интонационных единиц к клаузам. Дискурс, таким образом, представляет собой цепочку клауз. В психолингвистических экспериментах по воспроизведению ранее полученной вербальной информации обычно выясняется, что распределение информации по клаузам относительно неизменно, а объединение клауз в сложные предложения чрезвычайно изменчиво. Поэтому понятие предложения оказывается для структуры дискурса менее значимым, чем понятие клаузы.

6. Критический анализ выполненных работ по влиянию дискурсивных факторов на языковые явления (подбор примеров из текстов разных типов дискурса)

Роль дискурсивных факторов в языковой структуре

Помимо вопросов структуры дискурса, другой основной круг проблем, исследуемых в дискурсивном анализе, – это влияние дискурсивных факторов на более мелкие языковые составляющие – грамматические, лексические и фонетические. Например, порядок слов в клаузе такого языка, как русский, хотя и является грамматическим явлением, не может быть объяснен без обращения к дискурсивным факторам. Порядок слов чувствителен к характеристикам коммуникативной организации высказывания, которые обычно описываются с помощью понятий темы (исходный пункт высказывания) и ремы (информация, добавляемая к

исходному пункту). Согласно идее, изначально высказывавшейся чешскими лингвистами, более тематические элементы располагаются в предложении раньше, чем более рематические. Предполагаемая универсальность этой тенденции была поставлена под сомнение после ряда исследований, в особенности статьи Р.Томлина и Р.Роудса об индейском языке оджибва, где была замечена прямо противоположная тенденция: тематическая информация располагается позже, чем нетематическая. К настоящему времени накопилось большое количество свидетельств того, что принцип «рематическая информация вначале» (с вариациями: новое вначале, неопределенное вначале, важное вначале, срочное вначале) очень распространен в языках мира. М.Митун отметила, что принцип «рема вначале» поддерживается интонационными факторами, так как и рема, и начало склонны к интонационной выделенности. Ряд авторов пытается дать когнитивные объяснения обоим принципам порядка, однако остается неясным, почему же все-таки в одних случаях преобладает один вполне объяснимый принцип, а в других – другой, столь же объяснимый. Русский порядок слов изучался в рамках разных теоретических подходов; одно из наиболее подробных исследований принадлежит американскому русисту О.Йокояме. В книге *Дискурс и порядок слов* Йокояма предложила когнитивную модель, основанную на состояниях базы знаний говорящего и адресата и призванную полностью объяснить порядок слов в русских высказываниях.

Пример лексического явления, объясняемого дискурсивными факторами, – это референциальный выбор, т.е. выбор наименования лица или объекта в дискурсе: такое именование может быть выполнено посредством полной именной группы (имени собственного, например *Пушкин*, или дескрипции, например *поэт*), посредством местоимения (например, *он*) или даже посредством нулевой формы (как в предложении *Пушкин считал, что А [=Пушкин] должен вызвать Дантеса*; заком «А» обозначена нулевая форма). Такого рода выбор может быть объяснен только посредством сочетания дискурсивных факторов – таких, как расстояние до предшествующего упоминания данного участника, роль этого предшествующего упоминания в своей клаузе, значимость данного участника для дискурса в целом и т.д. В когнитивно-лингвистической литературе высказывается гипотеза,

что такого рода факторы объединяются в интегральную характеристику референта в данный момент дискурса, которую можно описать как степень активации референта в рабочей памяти говорящего. При низкой активации используется полная референция, при высокой – редуцированная (местоимение или ноль).

Другой важный пример лексических средств, определяемых дискурсивным контекстом, – это употребление так называемых дискурсивных маркеров, т.е. специальных слов, помечающих структуру дискурса, ментальные процессы говорящего (слова типа *вот, ну, так сказать*), контроль над ментальными процессами адресата (слова типа *понимаешь, видите ли*) и пр. Исследование дискурсивных маркеров является одной из наиболее популярных в настоящее время областей дискурсивного анализа и лексикографии. Применительно к английскому языку наиболее известная работа о дискурсивных маркерах – книга Д.Шиффрин (1987). Русские дискурсивные слова исследуются в рамках многолетнего российско-французского проекта, координируемого французским славистом Д.Пайаром.

Наконец, без учета дискурсивных факторов не могут быть объяснены многие фонетические явления – это касается сильного/слабого акцентуирования слов в устной речи, использования интонационных контуров, паузации и других видов дискурсивной просодии. Изучение дискурсивной просодии также развивается сейчас чрезвычайно активно. Просодия английского языка описана в работах таких авторов, как А.Краттенден, Дж.Пьеррхамберт и др. Исследования по дискурсивной просодии русского языка проводятся С.В. Кодзасовым, который выделяет следующие ее слои: размещение акцента, направление тона в акценте, интервал тона в акценте, артикуляционная поза, интегральная выделенность, долгота/краткость в акценте, маркированная фонация. Каждый слой просодии, по С.В.Кодзасову, передает некоторый тип дискурсивной семантики. Так, размещение акцента зависит от категории данного/нового; восходящий тон иконически кодирует ожидание продолжения, незавершенность; долгота кодирует большое расстояние (физическое, временное или ментальное) и т.д.

Дискурсивные формации

Помимо вопросов структуры дискурса, другой основной круг проблем, исследуемых в дискурсивном анализе, – это влияние дискурсивных факторов на более мелкие языковые составляющие – грамматические, лексические и фонетические. Например, порядок слов в клаузе такого языка, как русский, хотя и является грамматическим явлением, не может быть объяснен без обращения к дискурсивным факторам. Порядок слов чувствителен к характеристикам коммуникативной организации высказывания, которые обычно описываются с помощью понятий темы (исходный пункт высказывания) и ремы (информация, добавляемая к исходному пункту). Согласно идее, изначально высказывавшейся чешскими лингвистами, более тематические элементы располагаются в предложении раньше, чем более рематические.

Предполагаемая универсальность этой тенденции была поставлена под сомнение после ряда исследований, в особенности статьи Р.Томлина и Р.Роудса об индейском языке оджибва, где была замечена прямо противоположная тенденция: тематическая информация располагается позже, чем нетематическая. К настоящему времени накопилось большое количество свидетельств того, что принцип «рематическая информация вначале» (с вариациями: новое вначале, неопределенное вначале, важное вначале, срочное вначале) очень распространен в языках мира. М.Митун отметила, что принцип «рема вначале» поддерживается интонационными факторами, так как и рема, и начало склонны к интонационной выделенности. Ряд авторов пытается дать когнитивные объяснения обоим принципам порядка, однако остается неясным, почему же все-таки в одних случаях преобладает один вполне объяснимый принцип, а в других – другой, столь же объяснимый.

Русский порядок слов изучался в рамках разных теоретических подходов; одно из наиболее подробных исследований принадлежит американскому русисту О.Йокояме. В книге *Дискурс и порядок слов* Йокояма предложила когнитивную модель, основанную на состояниях базы знаний говорящего и адресата и призванную полностью объяснить порядок слов в русских высказываниях.

Пример лексического явления, объясняемого дискурсивными факторами, – это референциальный выбор, т.е. выбор наименования лица или объекта в дискурсе: такое именование может быть

выполнено посредством полной именной группы (имени собственного, например Пушкин, или дескрипции, например поэт), посредством местоимения (например, он) или даже посредством нулевой формы (как в предложении Пушкин считал, что *Æ* [=Пушкин] должен вызвать Дантеса; знаком «*Æ*» обозначена нулевая форма). Такого рода выбор может быть объяснен только посредством сочетания дискурсивных факторов – таких, как расстояние до предшествующего упоминания данного участника, роль этого предшествующего упоминания в своей клаузе, значимость данного участника для дискурса в целом и т.д. В когнитивно-лингвистической литературе высказывается гипотеза, что такого рода факторы объединяются в интегральную характеристику референта в данный момент дискурса, которую можно описать как степень активации референта в рабочей памяти говорящего. При низкой активации используется полная референция, при высокой – редуцированная (местоимение или ноль).

Другой важный пример лексических средств, определяемых дискурсивным контекстом, – это употребление так называемых дискурсивных маркеров, т.е. специальных слов, помечающих структуру дискурса, ментальные процессы говорящего (слова типа *вот, ну, так сказать*), контроль над ментальными процессами адресата (слова типа *понимаешь, видите ли*) и пр. Исследование дискурсивных маркеров является одной из наиболее популярных в настоящее время областей дискурсивного анализа и лексикографии. Применительно к английскому языку наиболее известная работа о дискурсивных маркерах – книга Д.Шиффрин (1987). Русские дискурсивные слова исследуются в рамках многолетнего российско-французского проекта, координируемого французским славистом Д.Пайаром.

Наконец, без учета дискурсивных факторов не могут быть объяснены многие фонетические явления – это касается сильного/слабого акцентуирования слов в устной речи, использования интонационных контуров, паузации и других видов дискурсивной просодии. Изучение дискурсивной просодии также развивается сейчас чрезвычайно активно. Просодия английского языка описана в работах таких авторов, как А.Краттенден, Дж.Пьеррхамберт и др. Исследования по дискурсивной просодии русского языка проводятся С.В.Кодзасовым, который выделяет

следующие ее слои: размещение акцента, направление тона в акценте, интервал тона в акценте, артикуляционная поза, интегральная выделенность, долгота/краткость в акценте, маркированная фонация. Каждый слой просодии, по С.В.Кодзасову, передает некоторый тип дискурсивной семантики. Так, размещение акцента зависит от категории данного/нового; восходящий тон иконически кодирует ожидание продолжения, незавершенность; долгота кодирует большое расстояние (физическое, временное или ментальное) и т.д.

Теория риторической структуры

В теории риторической структуры (ТРС), созданной в 1980-е годы У.Манном и С.Томпсон, был предложен единый подход к описанию макро- и микроструктуры дискурса. ТРС основана на предположении о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи называются риторическими отношениями. Термин «риторические» не имеет принципиального значения, а лишь указывает на то, что каждая единица дискурса существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной цели. Единицы дискурса, вступающие в риторические отношения, могут быть самого различного объема – от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы). Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения. В число риторических отношений (всего их более двух десятков) входят такие, как последовательность, причина, условие, уступка, конъюнкция, развитие, фон, цель, альтернатива и др. Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра либо сателлита. Большая часть отношений асимметричны и бинарны, т.е. содержат ядро и сателлит. Например, в паре клауз Иван вышел рано, чтобы не опоздать на встречу имеет место риторическое отношение цели; при этом первая часть является главной и представляет собой ядро, а вторая является зависимой, сателлитом. Другие отношения, симметричные и не обязательно бинарные, соединяют два ядра. Таково, например, отношение конъюнкции: Морж – морское млекопитающее. Он живет на севере. Два типа риторических отношений напоминают

противопоставление между подчинением и сочинением, а список риторических отношений типа «ядро – сателлит» похож на традиционный список типов обстоятельственных придаточных предложений. Это неудивительно – фактически ТРС распространяет типологию семантико-синтаксических отношений между клаузами на отношения в дискурсе. Для ТРС несущественно, каким именно образом выражено данное отношение и соединяет ли оно независимые предложения или группы предложений. В ТРС разработан формализм, позволяющий представлять дискурс в виде сетей дискурсивных единиц и риторических отношений. Авторы ТРС специально подчеркивают возможность альтернативных трактовок одного и того же текста. Иначе говоря, для одного и того же текста может быть построен более чем один граф (представление в виде точек-узлов, связанных дугами- отношениями) риторической структуры, и это не рассматривается как дефект данного подхода. Действительно, попытки применения ТРС к анализу реальных текстов демонстрируют множественность решений. Тем не менее эта множественность ограничена. К тому же принципиальная возможность различных трактовок не противоречит реальным процессам использования языка, а, напротив, вполне им соответствует.

Существует ряд подтверждений того, что ТРС в значительной степени моделирует реальность и представляет собой важный шаг в понимании того, как дискурс устроен «на самом деле». Во-первых, сами авторы ТРС приводят процедуру построения резюме (реферата, краткого варианта) текста на основе графа риторической структуры. По определенным правилам многие сателлиты в риторических парах могут быть опущены, а результирующий текст остается связным и вполне представительным по отношению к исходному тексту. Во-вторых, в работе Б.Фокс об анафоре в английском дискурсе было показано, что выбор референциального средства (местоимение/полная именная группа) зависит от риторической структуры.

Помимо теории У.Манна и С.Томпсон, существует еще несколько моделей дискурсивных риторических отношений, в частности принадлежащие Дж.Граймсу, Б.Мейер, Р.Райкман, Р.Хоровитц, К.Маккьюин. Сходные исследования (часто в иной терминологии) проводились и другими исследователями, например С.А.Шуваловой.

Вопросы структуры дискурса при другом угле зрения легко преобразуются в вопросы о его связности. Если некоторый дискурс D состоит из частей a, b, c..., то что-то должно обеспечивать связь между этими частями и, тем самым, единство дискурса. Аналогично глобальной и локальной структуре имеет смысл различать глобальную и локальную связность. Глобальная связность дискурса обеспечивается единством темы (иногда используется также термин «топик») дискурса. В отличие от темы предикации, как правило ассоциируемой с некоторой именной группой или обозначаемым ею предметом (референтом), тема дискурса обычно понимается либо как пропозиция (понятийный образ некоторого положения дел), либо как некоторый конгломерат информации. Тема обычно определяется как то, о чем идет речь в данном дискурсе. Локальная связность дискурса – отношения между минимальными дискурсивными единицами и их частями. Американский лингвист Т. Гивон выделяет четыре типа локальной связности (особенно характерных для нарративного дискурса): референциальную (тождество участников), пространственную, временную и событийную. Событийная связность, фактически, и является предметом исследования в ТРС. Впрочем, эта теория предлагает единый подход и к локальной, и к глобальной связности.

7. Критический анализ выполненных заданий на выявление интертекстуальных ссылок в текстах разных типов дискурса

Интертекстуальное взаимодействие

Интертекстуальность, термин, введенный в 1967 теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой (р. 1941) для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

Притом, что различные проявления интертекстуальности известны с незапамятных времен, возникновение соответствующих термина и теории именно в последней трети 20 в. представляется неслучайным. Значительно возросшая доступность произведений искусства и массовое образование, развитие средств массовой коммуникации и распространение массовой культуры (как бы к ней

ни относиться) привели к очень сильной семиотизации человеческой жизни, к ощущению того, что, по выражению польского парадоксалиста Станислава Ежи Леца, «Обо всем уже сказано. К счастью, не обо всем подумано» (кстати, сама данная цитата в настоящем абзаце является одновременно и иллюстрацией его основного тезиса), и если уж удастся придумать что-то новое, то для самого утверждения новизны необходимо сопоставить новое содержание с тем, что уже было сказано; если же претензии на новизну нет, то использование для выражения некоторого содержания уже имеющейся формы сплошь и рядом становится престижным указанием на знакомство автора текста с культурно-семиотическим наследием, с «сокровищами семиосферы». Искусство, а с какого-то момента и повседневные семиотические процессы в 20 в. становятся в значительной степени «интертекстуальными».

Подобно тому, как семиотика – наука об общих свойствах знаковых систем – формировалась путем распространения на них результатов изучения естественного языка, теория интертекстуальности складывалась главным образом в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе. Однако в действительности сферы ее бытования много шире. Во-первых, она присуща всем словесным жанрам, а не только изящной словесности. Во-вторых, интертекстуальность имеет место не только в текстах в узком смысле, т.е. словесных (вербальных), но и в текстах, построенных средствами иных, нежели естественный язык, знаковых систем. Интертекстуальные связи устанавливаются между произведениями изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра, кинематографа.

Например, известный фильм К.Тарантино «Криминальное чтиво» почти целиком скомпонован из сюжетных, жанровых и изобразительных цитат – так, герой Брюса Уиллиса в этом фильме, выбирая орудие мести, перебирает такие виды оружия или предметы, могущие служить оружием, за каждым из которых стоит известный фильм или даже целый жанр. В дальнейшем *Криминальное чтиво* само стало источником для интертекстуальных ссылок самого различного рода; в частности, упомянутая сцена была спародирована в сериале А.Митты «Граница: таежный роман». Можно говорить о визуальной и звуковой интертекстуальности (тексты, ориентированные на

прочие органы чувств, встречаются достаточно редко, но, в принципе, и в них можно представить себе интертекстуальные связи); отнюдь не редкость музыкальные, изобразительные, сюжетные, балетные и прочие цитаты и аллюзии и т.д.

Функции интертекста

Интертекстуальные ссылки в любом виде текста способны к выполнению различных функций из классической модели функций языка, предложенной в 1960 Р.Якобсоном.

Экспрессивная функция интертекста проявляется в той мере, в какой автор текста посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т.д. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является (иногда невольно) немаловажным элементом самовыражения автора.

Апеллятивная функция интертекста проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию. В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части читательской аудитории. Реально в случае межтекстового взаимодействия апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от *фатической* (контактоустанавливающей): они сливаются в единую опознавательную функцию установления между автором и адресатом отношений «свой/чужой»: обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже их идеологических и политических позиций и эстетических пристрастий (ср., например, диалог типа *Который сегодня день? – Канун Каты Праведного*, в котором на цитату из романа *Трудно быть богом* А. и Б.Стругацких, опознаваемую по слову *который* вместо *какой*, а также, конечно, по ряду экстралингвистических сведений, следует ответ другой цитатой из того же источника и,

более того, из того же диалога, что в прагматическом плане означает: «я опознал приведенную тобой цитату и сообщаю тебе, что и я хорошо знаком с данным текстом, из чего ты можешь сделать определенный вывод»). Такого рода настройка на семиотическую общность с помощью интертекста может осуществляться с большой степенью точности (некто вроде «Свой – это тот, кто читал роман X и мемуары Y-а»).

Следующей функцией интертекста является *поэтическая*, во многих случаях предстающая как развлекательная: опознание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьировать в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма (скажем, среди жителей России, да и бывшего СССР в достаточно широком возрастном диапазоне трудно найти человека, который не опознал бы такие цитаты, как *Восток – дело тонкое* или *Павлины, говоришь?* из *Белого солнца пустыни* или *Если я встану, ты ляжешь* из *Операции Ы*, а англоязычные кинозрители столь же отчетливо опознают и атрибутируют слова *I'll be back* из *Терминатора*) до профессиональных разысканий, направленных на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста, возможно, даже и не помышлял (в таких случаях говорят о «неконтролируемом подтексте», «интертекстуальности на уровне бессознательного» и т.п.).

Интертекст, несомненно, может выполнять *референтивную* функцию передачи информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте (претексте). В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия. Степень активизации опять же варьирует в широких пределах: от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии и т.д. За счет этого

интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически «возвышать» или, наоборот, снижать содержащий их текст.

Наконец, интертекст выполняет и *метатекстовую* функцию. Для читателя, опознавшего некоторый фрагмент текста как ссылку на другой текст (очевидно, что такого опознания может и не произойти), всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо – для более глубокого понимания данного текста – обратиться (напрягши свою память или, условно говоря, потянувшись к книжной полке) к некоторому тексту-источнику, благодаря которому опознанный фрагмент в системе читаемого текста выступает как смещенный. Для понимания этого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником, т.е. определить толкование опознанного фрагмента при помощи исходного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции.

Таким образом, интертекстуальное отношение представляет собой одновременно и конструкцию «текст в тексте», и конструкцию «текст о тексте». Так, в строки А.Ахматовой из первого варианта *Поэмы без героя* (*Но мне страшно: войду сама я, / Шаль воспетую не снимая, / Улыбнусь всем и замолчу*) оказываются вписанными элементы текста А.Блока, посвященного А.Ахматовой: «*Красота страшна*» – *Вам скажут, – / Вы накинете лениво / Шаль испанскую на плечи,...* В то же время текст Ахматовой представляет собой новое высказывание о предшествующем тексте – тексте Блока, т.е. является по отношению к нему метатекстом, а текст Блока по отношению к ахматовскому – претекстом и подтекстом (subtext – в терминологии К.Тарановского и О.Ронена). Согласно О.Ронену, более поздние тексты, впитывая в себя фрагменты и структурные элементы текстов более ранних, подвергают их «синхронизации и семантическому преломлению», но не отвергают при этом и первоначальный смысл претекстов.

Подходы к изучению интертекста

Интертекстуальность можно описывать и изучать с двух позиций – читательской и авторской. С точки зрения читателя, способность выявления в том или ином тексте интертекстуальных

ссылки связана с установкой на более углубленное понимание текста или предотвращение его не-(до)понимания за счет выявления его многомерных связей с другими текстами. Например, строки Е. Баратынского *Меж мудрецами был чудаки: / «Я мыслю, – пишет он, – итак, / Я, несомненно, существую»* становятся до конца понятными только при обращении к знаменитой фразе Декарта *«Мыслю, следовательно, существую»* (лат. *Cogito ergo sum*).

С точки зрения автора, интертекстуальность – это (в дополнение к установлению отношений с читателем) также способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов. Это могут быть отношения идентификации, противопоставления или маскировки. Так, герой поэмы *Москва – Петушки* Вен. Ерофеева использует слова Баратынского (*Есть бытие, но именован каким его назвать, – ни сон оно, ни бденье*) для описания состояния крайнего опьянения, тем самым не просто ссылаясь на предшественника, но противопоставляя два (свое и Баратынского) употребления этой сентенции; само же жанровое определение формально прозаического произведения *Москва – Петушки* как поэмы устанавливает интертекстуальное отношение идентификации с *Мертвыми душами* Н.В. Гоголя – классическим примером прозаического произведения, отнесенного его автором к жанру «поэмы». Примером маскировки служит «мистифицированный перевод» в романе *Подвиг* В. Набокова. Герой романа, пребывая в эмиграции, размышляет об отношении иностранцев к русской литературе: *Ему [Мартыну] льстила влюбленность англичан в Чехова, влюбленность немцев в Достоевского. Как-то в Кембридже он нашел в номере местного журнала шестидесятих годов стихотворение, хладнокровно подписанное «А. Джемсон»: «Яиду по дороге один, мой каменистый путь простирается далеко, тиха ночь и холоден камень, и ведется разговор между звездой и звездой»*. Слова англичанина, переданные Набоковым в прозе по-русски, воспроизводят переведенные на английский язык (и тем самым до известной степени замаскированные) стихотворные строки Лермонтова.

П. Тамми, опираясь на работы И.П. Смирнова и А.К. Жолковского, развил теорию «подтекста», основываясь на

понятии «полигенетичности» текста, имеющей место в том случае, когда «в отдельном сегменте текста актуализируется не один только подтекст (или литературный источник), а целое множество источников».

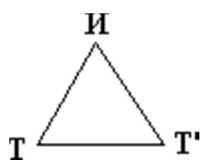
Типологически выделяются два вида полигенетических связей. Первый вид взаимодействий может быть выражен формулой $T3 \rightarrow T1 + T2$. В этом случае определенный фрагмент нового текста соотносим с двумя (и более) контекстами, не связанными между собой. Например, строки А.Вознесенского из поэмы *Зодчие*

*Я лесенкой лез –
позвоночником Речи.*

рождаются как сумма строк о «флейте-позвоночнике» В.Маяковского и *Я по лесенке приставной / Лез на включенный сеновал* – О.Мандельштама; за кадром же стоит еще и «лесенка» стихотворных рядов Маяковского.

Второй вид можно назвать «подтекстом в подтексте»: вставленные претексты встречаются в пределах друг друга, что восстанавливает причинную, историко-литературную связь; схематически этот тип можно обозначить формулой $T3 \rightarrow T2 \rightarrow T1$. Так, конструкция сравнения в *Псаломе 57* Г.Сапгира *Это все глубоко наболевшее / и простое, как Доктор Живаго* намекает на более глубокий подтекст (или прототекст), а именно отсылает к *Простое, как мычание* Маяковского, однако замена слова *мычание* на заглавие *Доктор Живаго* в этой конструкции отнюдь не случайна: она связана с тем, что в самом романе *Доктор Живаго* встречается формулировка «без всякого ущерба могли бы заменить эти слова *простым рычанием*», относящаяся к диалогу, который ведет гуляющий с бульдогом Комаровский со своим собеседником Сатаниди. При этом в структуре романа Пастернака образ Комаровского проецируется на образ Маяковского. Таким образом, интертекстуальность нейтрализует границу между формальным выражением текстов по оси «стих – проза».

При установлении интертекстуальных связей важен «принцип третьего текста», введенный М.Риффатерром («третий» здесь, конечно, условность; важно, что количество текстов больше двух). Опираясь на семиотический треугольник Г.Фреге, Риффатерр в работе 1972 года предлагает свой треугольник, где **T** – текст, **T''** – интертекст, **I** – интерпретанта:

Риффатерр считает, что «интертекстуальность не функционирует и, следовательно, не получает текстуальности, если чтение от Т к Т'' не проходит через И, если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты». Это, согласно Риффатерру, позволяет говорить о том, что текст и интертекст не связаны между собой, как «донор» и «реципиент», и их отношения не сводимы к примитивному представлению о «заимствованиях» и «влияниях». Благодаря интерпретанте происходит скрещение и взаимная трансформация смыслов текстов, вступающих во взаимодействие.

Механизмы интертекстуальности

Восстановление интертекстуальных отношений в новом тексте происходит на основании «памяти слова»: референциальной, комбинаторной, звуковой и ритмико-синтаксической. Если комбинаторная память слова – это зафиксированная сочетаемость для данного слова как в общем, так и индивидуальном поэтическом языке, то референциальная память слова вызывает к порогу сознания круги значений и ассоциаций из прежних контекстов, создавая этим дополнительные приращения смысла в создаваемом заново тексте. Референциальная память слова как бы вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов, расширяя этим рамки значения данного слова. Именно потому, что в референциальную память слова уже вложена его комбинаторная память, происходит расшифровка метафор-загадок и более сложных иносказаний. Так, в строках из текста Л.Губанова *На смерть Бориса Пастернака: Ты сел за весла переводчика, / благоволил к Вам пьяный Фауст /но разве этих переводчиков/ у нас в России не осталось?* референциальная и комбинаторная память строит проекции к заглавию стихотворения *Сложь весла* (книга *Сестра моя – жизнь*), а также к многочисленным переводам Пастернака, в том числе и *Фауста*. Пьяным же у Пастернака оказывается Шекспир из одноименного стихотворения, разговаривающий вслух со своим сонетом. Таким образом, иносказание проходит путь «дешифровки», в результате которой восстанавливается пропозиция: «Пастернак – переводчик *Фауста* и произведений

Шекспира, – «сложив весла» своей поэзии, занялся переводами других, не изменяя своему поэтическому стилю».

Так в поэтических текстах разрешается «цепь уравнений в образах, попарно связывающих очередное неизвестное с известным» (Б.Пастернак), и это разрешение одновременно происходит и на фоническом уровне, когда вступают в действие звуковая и ритмико-синтаксическая память слова. Под звуковой памятью слова понимается его способность вызывать в памяти близкозвучные слова, принадлежащие другим текстам, либо собирать слова из звуков данного текста, строя отношения с другими текстами на основании так называемой паронимической аттракции. Так, например, в тексте Мандельштама *Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена – / Не Елена – другая – как долго она вышивала? / Золотое руно, где же ты, золотое руно? / Всю дорогу шумели морские тяжелые волны, / И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный* на переразложении и взаимном наложении ситуаций различных древнегреческих мифов рождается анаграммированный неназываемый интертекстуальный субъект – *Пенелопа*, который складывается, как в «вышивании», из пересечений звукового состава слов: *Помнишь – Не Елена – полотно – полный*.

Ритмико-синтаксическая память слов, в первую очередь, включает в себя «память рифмы», что связывает ее с комбинаторной и звуковой памятью слов (ср. у А.Вознесенского рифму, отсылающую к стихотворению *Зимняя ночь* Пастернака: *В нынешнем августе крестообразно / встанут планеты в ряд. / Простишь, когда сами рабы соблазна / Апокалипсис сотворят?*), а во вторую очередь – устойчивые ритмико-синтаксические формулы, созданные на основе звуковых, синтаксических, ритмических и метрических соответствий. Ритмико-синтаксическая память слова коррелирует с понятиями ритмико-синтаксического клише и «семантического ореола метра» К.Тарановского и М.Л.Гаспарова, однако включает в себя память не только о ритмико-синтаксических, но и ритмико-семантических и морфологических построениях в поэтическом языке. Например, многие строки А.Ахматовой (*И чем могла б тебе помочь? / От счастья я не исцеляю; В кругу кровавом день и ночь / <...> / Никто нам не хотел помочь* и др.) перекликаются по структуре и

восстанавливают в памяти строки А.Блока (*О, я не мог тебе помочь! / Я пел мой стих... / И снова сон, и снова ночь; Над мировую чепухую; / Над всем, чему нельзя помочь / Звонят над шубкой меховую, / В которой ты была в ту ночь*).

Типы интертекстуальных отношений

Наиболее общая классификация межтекстовых взаимодействий принадлежит французскому литературоведу Жерару Женетту. В его книге *Палимпсесты: литература во второй степени* (1982; рус. перевод 1989; палимпсестом называется рукопись, написанная поверх другого текста, счищенного для повторного использования писчего материала, обычно пергамента, элементы старого текста иногда проступают в новом; отсюда – эта популярная метафора для обозначения интертекстуальных отношений) предлагается пятичленная классификация разных типов взаимодействия текстов:

– интертекстуальность как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.);

– паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу;

– метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой претекст;

– гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого;

– архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

В первом классе, который носит название собственно интертекстуальности, важно провести различие между явлениями «цитаты» и «аллюзии». Цитата – это воспроизведение двух или более компонентов претекста с сохранением той предикации (описания некоторого положения вещей), которая установлена в тексте-источнике; при этом возможно точное или несколько трансформированное воспроизведение образца. Аллюзия – заимствование лишь определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, предикация же осуществляется по-новому.

Так, например, строки А.Вознесенского

Поэты любят имя повторять –

«Сергей», «Владимир» – сквозь земную осыпь.

Он имя позабыл, что он хотел сказать.

Он по себе вздохнул на тыщу лет назад:

«Ох, Осип...»

включают в себя несколько трансформированных цитат с исходной предикацией из поэзии О.Мандельштама (*Я повторяю это имя; Легче камень поднять, чем имя твоё повторить!* и *Я слово позабыл, что я хотел сказать*); трансформация вызвана заменой лица (Я ® Он) и обобщением (Я ® поэты).

В случае аллюзии заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка претекста (или текста-донора), соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем как бы «за текстом» – только имплицитно. Показательный пример – аллюзия, ориентированная на «школьные цитаты» у В.Нарбиковой в повести «План первого лица. И второго»: *Я говорил, что в красоте жить нельзя, что ничего не получится*, – это слова героя, который носит знаменательную фамилию Додостоевский. Из «цитатного атома» «красота» и части фамилии героя «-достоевский» складывается классический тезис Ф.М.Достоевского «красота спасет мир», который стоит за текстом Нарбиковой. В случае цитат цельная строка также может складываться из элементов нескольких строк, как в повести *Река Оккервиль* Т.Толстой (*Он купил хризантем на рынке – мелких, желтых, обернутых в целлофан. Отцвели уж давно. [восстановление предикации] <...> Черный ход, помойные ведра, узкие чугунные перильца, нечистота. Сердце билось. Отцвели уж давно. В моем сердце больном*), однако ее прежняя предикация лишь восстанавливается в новом тексте, а не рождается заново.

По формулировке И.П.Смирнова, в случае цитации автор преимущественно эксплуатирует реконструктивную интертекстуальность, регистрируя общность «своего» и «чужого» текстов, а в случае аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой – организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста.

И цитаты и аллюзии можно типологизировать по степени их атрибутированности, а именно по тому, оказывается ли интертекстуальная связь специально обозначенным фактором авторского построения и читательского восприятия текста или нет.

Так, у А.Вознесенского цитаты из Мандельштама атрибутируются благодаря вписанному в текст имени поэта *Осин*, которое задает всю звуковую организацию текста; в повести В.Нарбиковой аллюзия тоже атрибутирована, но чувствуется попытка затемнить атрибуцию. В цитированных выше строках А.Ахматовой о «шали» аллюзия вообще никак не атрибутирована.

Именная аллюзия иногда выступает как реминисценция. Под реминисценцией понимается отсылка не к тексту, а к некоторому событию из жизни другого автора, которое безусловно узнаваемо. Примером реминисценции служит введение имени Н.Гумилева в стихотворение Л.Губанова *На смерть Бориса Пастернака: В награду за подземный бой / он был освистан и оплеван. / Тащилась первая любовь / в кровавой майке Гумилева*. Однако в поэзии «реминисценция» часто оборачивается аллюзией. Так, у самого Гумилева в *Заблудившемся трамвае* фигурирует аналог «кровавой майки» – «красная рубаха» палача, и эти два синонимичных на некотором глубинном уровне понятия вступают в отношение конверсии: *В красной рубахе, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне*. Заметим, что и строки о «воспетой шали» в *Поэме без героя* также рождаются на пересечении реминисценции и аллюзии.

Возможностью нести аллюзивный смысл обладают элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического уровней организации текста; он может также опираться на систему орфографии и пунктуации, а также на выбор графического оформления текста – шрифтов, способа расположения текста на плоскости.

Интертекст и тропы.

Проблемы межтекстового взаимодействия ставят вопрос о соотношении понятий интертекста и тропа и о рассмотрении интертекста как риторической фигуры. Поскольку межтекстовые отношения и связывающие их формальные элементы по своей природе и проявлению очень разнообразны, однозначного ответа на вопрос, с каким именно тропом может быть сопоставлено интертекстуальное преобразование, по-видимому, не существует. В нем обнаруживаются признаки и метафоры (М.Ямпольский), и метонимии (З.Г.Минц; в частности, синекдохи – О.Ронен), а в определенных контекстах также гиперболы и иронии (Л.Женни). При этом обнаруживается, что и декодирование тропов и

расшифровка интертекстуальных отношений основаны на «расщепленной референции» (Р.Якобсон) языковых знаков, или «силлепсисе», в терминах М.Риффатерра. Однако и в том и другом случае для адекватного понимания смещенной по своей синтагматике конструкции необходимо обращение к пространству языковой памяти: либо к целостной системе переносов, узаконенной в поэтическом языке, – так называемым «поэтическим парадигмам» (Н.В.Павлович), либо к целостной парадигме текстов, создающей культурный контекст для данного текста.

Интертекстуальные сравнения и тропы могут выстраиваться в цепочку, определяя развитие нового текста, или становиться метатекстом по отношению к тексту, в котором исходно было применено сравнение. Так, Пастернак в поэме «905» сравнил поднимающийся дым с Лаокооном или, скорее, со скульптурной группой *Лаокоон* родосских мастеров).

Основа интертекстуальной фигуры может обнаруживаться в обращении. Так, у Б.Ахмадулиной обращение задает атрибуцию цитаты, функция которой – создать параллель с пушкинским описанием осени: *Судя по хладу светил, / по багрецу перелеска, / Пушкин, октябрь наступил. / Сколько прохлады и блеска!* В открытом виде апелляция к предшественникам содержится в развернутом эпитете у М.Зенкевича, который также попадает в позицию обращения: *О предрассветный, воспетый Бодлэром / И Брюсовым час, / Как лиловеют с сумраком серым / Орбиты глаз!*

Слово в поэтическом языке обладает памятью и по частям, поэтому единичные в литературе словообразовательные контексты опознаются даже по отдельным морфемам: ср. строки И.Бродского *Ниоткуда с любовью, / дорогой уважаемый милая, но не важно / даже кто...*, где очевидно следование беспорядочному словообразованию, синтаксису и датированию текстов в *Записках сумасшедшего* у Н.В.Гоголя. Идентификация текста-источника возможна даже и тогда, когда лежащие в основе интертекстуального взаимодействия строки представлены только первыми буквами. Ср. у В.Друка: *Твой дядя с.ч.п. А мой не в шутку. Твой – ув. А твой? ТЕКСТ может быть прочитан только ТЕКСТОМ (Дневник прошлого года)*. В этом случае контекст становится «декодирующим устройством» и одновременно метатекстовой рамкой, внутри которой происходит не только

дешифровка пушкинской цитаты, но и возникает новый поворот восприятия, связанный с образованием аббревиатуры.

Становится очевидным, что интертекстуальная активность мобилизуется именно тогда, когда читатель оказывается не в состоянии разрешить языковую и дискурсивную аномалию только на уровне системы метафорических и метонимических переносов языка, а также просто на уровне орфографических, согласовательных, пунктуационных правил и словообразовательных языковых моделей. В этом случае и происходит «взрыв линейности» (Л.Женни) текста: воспринимающий пытается найти источник семантического преобразования данного «выбивающегося из правил» языкового выражения не в системе языка, а в сфере «индивидуально сотворенного смысла», уже отлитого в форму претекста.

Однако это не означает, что образования, включающие в себя интертекст, имеют «нетропную», одномерную структуру. И в случае собственно «тропных» переносов, и в случае, когда мы осуществляем некоторую «текстуальную интеракцию» (Ю.Кристева), глубинные процессы смыслообразования связаны с проникновением в саму структуру аналогий, сдвигов, взаимоналожений. Происходит выход из собственно языковой системы в систему метаязыка. И если понимание тропов и фигур, или способов «переименования» исходного положения вещей в действительном мире всегда опосредовано текстами, то и любая основа такого преобразования лежит в интертекстуальной и метатекстовой области.

Интертекстуальность и массовая коммуникация

Те факторы распространения интертекстуальности, о которых было сказано в начале статьи, по-своему преломились в семиотическом пространстве России 1990-х годов, приведя к взрыву интертекстуальности в сфере массовой коммуникации и, прежде всего, в текстах СМИ. Интертекстуальные ссылки, зачастую весьма фривольного характера, стали распространенным приемом построения заголовков газетных и журнальных статей в довольно широком круге изданий, прежде всего тех, которые – при немалых идеологических различиях – подчеркивают свой разрыв с традициями советской журналистики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики [Текст]: учебное пособие / сост. Л. Н. Чурилина. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 412 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст]: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.

3. Бриченкова Е.С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного [Электронный ресурс]: Автореферат дис. на соиск. учен. степ. пед. филол. н. – М., 2007. Режим доступа – <http://biblioclub.ru>

4. Вендина, Т.И. Введение в языкознание [Текст]: учеб. пособие для студ. вузов / Т.И. Вендина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2008. – 391 с.

5. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст]: Дис... докт. филол. наук. М.: Институт Лингвистики РГГУ, 2003. – 90 с.

6. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст]. – М.: МГУ, 1992. – 336 с.

7. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику [Текст]: учебное пособие / А.Ю. Маслова. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.

8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст]: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

9. Реформатский А.А. Введение в языкознание [Текст]: учебник / А.А. Реформатский. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.

10. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию [Текст]: учебное пособие. – М.: АкадемКнига ИКЦ, 2002. – 362 с.

11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

12. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности [Текст]: монография. – 2-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

Методические указания к проведению практического занятия №4

ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСА. ТЕМА И РЕМА. ДИСКУРСИВНАЯ ПРОСОДИЯ. ЖЕСТЫ. ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ

Основные вопросы:

1. Выявление уровня сформированности научного представления о классификации жанров и типов изложения в дискурсе (см. презентацию А.А. Кибрика).
2. Проверка уровня знаний о тема-рематической структуре предложения.
3. Выявление степени сформированности научного представления о просодической характеристике дискурса.
4. Критический анализ реферативных сообщений на тему «Невербальный компонент дискурса: эмоции и жесты».
5. Проверка степени сформированности комплексного знания дискурсивных маркеров – выполнение анализа текстов (бытовых диалогов) с выявлением дискурсивных маркеров разного типа (см. презентацию А.А. Кибрика).

Тема и рема. Данное и новое

В многочисленных теоретических моделях категория *тема* получает разный статус и обладает разным объяснительным потенциалом. Начать хотя бы с того, что русское слово *тема* соответствует сразу двум английским терминам *theme* и *topic*. Первый входит в систему актуального членения предложения и текста *тема – рема (theme – rheme)*, хорошо знакомую читателям. Второй иногда встречается в паре с понятием *комментарий (topic – comment)* приблизительно в том же смысле, что и *тема – рема*, хотя и не всегда; аналогичным образом он используется в сочетании с категорией *фокус (topic – focus)*; порой он вполне закономерно оказывается в одном ряду с терминами *содержание (content)*, *предмет общения (subject)*. Подобное нечеткое употребление во многом предопределяется принадлежностью понятия *тема* к тому кругу категорий, которые, на первый взгляд, не нуждаются в

определении, будучи одной из аксиом лингвистики. Тем не менее, во всех вариантах интерпретации термина *тема* легко угадывается общее понятийное ядро.

Тема (*thema* – греч. *то, что положено (в основу)*) в самом общем смысле — это *то, о чем идет речь*, или – более научно и менее широко – «то, относительно чего нечто утверждается в данном предложении» [ЛЭС 1990: 507], если только не понимать слово *утверждается* буквально. Практически все исследователи отмечают интуитивность определения *темы* [Brown, Yule 1983: 69; van Dijk 1981: 177–193].

Не может похвастаться терминологической строгостью пара понятий *тема—рема* в теории актуального членения предложения и текста, она часто определяется по логике порочного круга: *тема* – это все, что *не рема*; *рема* – это все, что *не тема* [ЛЭС 1990: 410; 507]. По-разному относятся исследователи и к статусу темы в предложении: одни утверждают, что теме говорящий уделяет большое внимание, в то время как другие решительно отводят ей второстепенную роль, важной признавая только рему. С точки зрения дискурс-анализа этот спор беспредметен, потому что как тема, так и рема (иногда соответственно определяемые как *данная* и *новая* информация – *given vs. new information*, что не совсем корректно) важны для производства и для интерпретации высказываний в диалоге, хотя играют разную роль. В частности, они отличаются по признаку динамичности и статичности, по способу представления информации, по разной синтаксической и интонационной выделенности.

Тема дискурса (*discourse topic*) представлена в виде *макропропозиции* [Brown, Yule 1983: 71] или *макроструктуры* [van Dijk 1981: 186], в отличие от темы отдельного предложения или высказывания, как правило, представленной именной группой подлежащего. Тема индивидуального высказывания в дискурсе обусловлена тем, как его информация распределяется *линейно*, в то время как тема дискурса указывает на то, как его содержание организовано *глобально, иерархически* [van Dijk 1981: 190; ср.: Дридзе 1984]. Тему высказывания

{VI} а. *John Marcus Fielding disappeared.* /Джон Маркус Филдинг исчез.

определить весьма просто, ибо практически каждый нормальный носитель языка на вопрос *О чем это предложение?* ответит, что это

предложение о Джоне Маркусе Филдинге: *This sentence is about John Marcus Fielding*. Можно указать на грамматические и интонационные средства выделения темы. Возьмем фрагмент побольше:

{VI} b. The commonest kind of missing person is the adolescent girl, closely followed by the teen-age boy. The majority in this category come from working-class homes, and almost invariably from those where there is serious parental disturbance. There is another minor peak in the third decade of life, less markedly working-class, and constituted by husbands and wives trying to run out on marriages or domestic situations they have got bored with. The figures dwindle sharply after the age of forty; older cases of genuine and lasting disappearance are extremely rare, and again are confined to the very poor – and even there to those, near vagabond, without close family.

When John Marcus Fielding disappeared, he therefore contravened all social and statistical probability. Fifty-seven years old, rich, happily married, with a son and two daughters; on the board of several City companies (and very much not merely to adorn the letter headings); owner of one of the finest Elizabethan manor houses in East Anglia, with an active interest in the running of his adjoining eighteen-hundred-acre farm; a joint – if somewhat honorary – master of foxhounds, a keen shot ... he was a man who, if there were an -arium of living human stereotypes, would have done very well as a model of his kind: the successful City man who is also a country landowner and [in all but name] village squire. It would have been very understandable if he had felt that one or the other side of his life had become too time-consuming ... but the most profoundly anomalous aspect of his case was that he was also a Conservative Member of Parliament.

(J. Fowles)

Определяя тему фрагмента {VI-b}, можно тоже сказать, что он о Джоне Маркусе Филдинге, но достаточно ли будет в этом случае сформулировать тему одним лишь именем, точно так же, как и для высказывания {VI-a}? Опять же интуитивно, отвечая на вопрос *О чем этот рассказ?*, нормальный носитель языка скорее всего ответит:

{VI} c. *John Marcus Fielding's disappearance was highly anomalous, both socially and statistically.* /Исчезновение Джона Маркуса Филдинга было в высшей степени аномально социально и статистически.

Такая пропозиция как бы суммирует, резюмирует дискурс, оказывается кратким содержанием рассказа [*summary* – van Dijk 1981: 187]. Очевидно, что основную мысль текста можно оформить как-то иначе, но вряд ли полученные варианты будут сильно отличаться друг от друга по смыслу. Следовательно, существуют семантические *макроструктуры* и процедуры их выделения, раз мы можем интуитивно свести содержание рассказа к одному предложению. Тему дискурса и надо понимать как выражение семантической макроструктуры данного дискурса. Подобная макроструктура – это не абстрактно-теоретический концепт, у глобальной темы дискурса есть свой психологический коррелят, если точнее, – когнитивная схема, предопределяющая планирование, продуцирование, восприятие и понимание дискурса, а также хранение полученной информации и ее воспроизведение [Дейк, Кинч 1988; van Dijk 1981; Carberry 1990; Bruner 1991; Renkema 1993; Berger 1996 и др.].

Таким образом, глобальная семантическая макроструктура опирается на *макропропозицию* наподобие той, что актуализована в высказывании {VI-с}. Такая макропропозиция – это своего рода генетический код глобальной организации смысла в дискурсе.

Линейность дискурса

О линейности дискурса в свое время писал еще Ф. де Соссюр [1977: 103]: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) *оно обладает протяженностью* и б) *эта протяженность имеет одно измерение – это линия*».

Какими уникальными, выдающимися способностями ни обладал бы говорящий или пишущий субъект, он не в состоянии произнести, написать более одного слова в один и тот же момент времени. Дискурс закономерно *линеен*, у него всегда есть начало, продолжение (или продолжения) и конец, логический или не очень. Во всяком случае любой автор сталкивается с проблемой линейного расположения смысла, и ему каждый раз приходится решать извечный вопрос *С чего начать?*

Данная проблема не столь банальна и тривиальна, как может показаться неискушенному исследователю. Начало дискурса определяет тематическую, интенциональную (в философско-

феноменологическом смысле) направленность на предметную сферу и возможные пути конструирования социального мира. Начало дискурса задает рамки его возможной интерпретации и определяет тональность, подобно музыкальному ключу и знакам альтерации на нотном стане. Вероятно, это психологическое свойство многих семиотических процессов, поступательно развертывающихся во времени. Слова, предваряющие последующие коммуникативные акты, становясь речевым контекстом, оказывают огромное влияние на восприятие и обработку дискурса слушающим. Начало дискурса вводит нас в определенный *возможный мир*, связанные с ним *культурные смыслы, знания, верования, общий пресуппозиционный фонд* [ср.: *presuppositional pool* – Brown, Yule 1983: 79–83], стимулирует инференционное прогнозирование в заданном им направлении, активизирует соответствующие установки, ожидания слушающих относительно темы дискурса и его продолжения. Сравните:

{VII} a. I hate playing with him. He's so fast, you know.

Я не люблю с ним играть. Знаешь, он так быстр.

b. I enjoy playing with him. He's so fast, you know. Мне нравится с ним играть. Знаешь, он так быстр.

Очевидно, что восприятие второго высказывания в качестве отрицательной оценки в {VII-a} и положительной в {VII-b} полностью зависит от предшествующего.

Не только содержание первого высказывания, но и способ его актуализации выполняют функцию контекстуализации. Это касается стиля, языкового кода, диалекта, интонации, манеры письма – всего того, что Дж. Гамперц называет *ключами контекстуализации* [*contextualization cues* – Gumperz 1982a: 131] и что определяет порождение *контекстуальных эффектов* [Шпербер, Уилсон 1988; Sperber, Wilson 1995 и др.]. Формальное обращение, например, вызывает определенные ожидания, настраивает на официальный стиль общения, отличный от ситуации, в которой вполне естественным было бы фамильярное приветствие. Получив эту субкодую информацию, слушающий выводит соответствующие ей прагматические инференции. Опираясь на изменившийся фонд знаний о взаимодействии, он готовится интерпретировать последующие высказывания и соответственно строить свои коммуникативные стратегии. Таким

образом, начало дискурса задает *тональность* или *стиль общения*, его социокультурный и психологический континуум.

Линейность дискурса наивно-психологически подчиняется правилу так называемого *ordo naturalis* – «естественного порядка» [Brown, Yule 1983: 125], заставляющего, например, слушающего верить, что факт, упомянутый в разговоре раньше другого, на самом деле предшествовал этому другому в реальной жизни (если не было специальных индексов времени, перекрывающих это правило). Классический тому пример: *Veni, vidi, vici*. Никому из нас не придет в голову, что события могли развиваться в каком-либо другом порядке, отличном от порядка слов.

Локальные темы семантически связаны друг с другом как *вертикально* (иерархически входя в одну макроструктуру), так и *горизонтально* (линейно, синтагматически).

Базовыми реляционными семантическими механизмами или ассоциативными когнитивными принципами, обеспечивающими горизонтальную синтагматическую связь высказываний, служат три отношения, о чем писал в 1737 г. Д. Юм [1995: 68]: «Таких качеств, из которых возникает эта ассоциация и с помощью которых ум переходит указанным образом от одной идеи к другой, три: *сходство*, *смежность* во времени и пространстве и *причина и действие*». Этими «мягко действующими» силами он объяснял схожесть многих языков [Юм 1995: 67; Crombie 1985].

Сходство обеспечивает функционирование таких языковых механизмов, как метафора, сравнение, контраст (сходство сознаком минус), антитеза, параллелизм, аналогия, хиазм, ирония, конъюнкция, дизъюнкция, эквивалентность и др.

Каузативные отношения реализуются в парах типа причина – результат, цель – средство, тезис – аргумент, условие – следствие, средство – результат, отношениях импликации и выводимости.

Смежность, как правило, регулирует набор соотношений пространственно-временных координат, как последовательность, одновременность, предшествование, локализация, пары типа ситуация – событие, общее – частное, абстрактное – конкретное, структура – компонент, а также родо-видовые и метонимические отношения [см.: Макаров 1990а: 33–37].

Эти отношения (отнюдь не всегда выделяемые в чистом виде) синтагматически и тематически связывают коммуникативные акты друг с другом и заметно отличаются от тема-рематических

отношений. Сходство, смежность и причинность ассоциативно связывают мысли, пропозициональные когнитивные сущности.

В узком смысле *темой* можно назвать то, от чего говорящий отталкивается при порождении высказывания, чем он связывает данное высказывание с предыдущим дискурсом. Собственно, это и есть две главные функции темы с точки зрения таких апологетов актуального членения, как Франтишек Данеш [см.: Brown, Yule 1983: 133]. В языках с фиксированным порядком слов, например в английском, тема — это в большинстве случаев крайний левый элемент высказывания. Соответственно все, что остается, — *рема*. С позиций актуального членения высказывания и текста очень хорошо различимы функциональные особенности многих структурных вариантов, в частности синтаксических трансформов в отношении линейного развития дискурса:

- {VIII} a. **The President** arrived at the airport.
Президент прибыл в аэропорт.
b. Journalists immediately surrounded **him**.
Журналисты сразу окружили *его*.
c. **He** was immediately surrounded by journalists.
Он был сразу окружен журналистами.

Очевидно, для исходного {VIII-a} более предпочтительным продолжением служит {VIII-c}, а не {VIII-b}; причем это можно доказать несложным экспериментом, попросив ряд информантов выбрать из двух вариантов лучший с точки зрения линейного развития дискурса, с точки зрения его «связанности». Видимо, {VIII-c} выгодно отличается от {VIII-b} тем, что использование страдательной конструкции позволяет сохранить тот же самый референт в позиции подлежащего, сохранить *локальную тему* дискурса, в отличие от *глобальной* [ср.: *discourse topic entity vs. global discourse topic* — Brown, Yule 1983: 137]. Графически выделенные слова, обозначающие главное действующее лицо в {VIII}, оказываются кореферентными, т. е. отсылают к одному и тому же объекту. Явление кореференции играет важную роль в обеспечении как формальной связанности дискурса, так и его смысловой связности.

Тема и рема, а также часто некорректно отождествляемые с ними *данное* и *новое*, суть отражение динамики когнитивных процессов. Отсутствие теоретической ясности в разграничении этих понятий и их языковых манифестаций может быть

компенсировано посредством их переосмысления с точки зрения когнитивной психологии, где выделяются два разных явления: *внимание* и *активация* [Кибрик А. А. 1995; Кубрякова и др. 1996: 11]. Между ними имеется каузальная связь: сосредоточив внимание на каком-то предмете, мы активируем его в сознании, иначе говоря, помещаем информацию о нем в рабочую память. Попробуйте посмотреть на горящую лампу (фокус внимания) и резко закрыть глаза – вы будете «видеть» ее очертание еще некоторое время (образ лампы активен в зрительной памяти). Аналогично осуществляется и более абстрактная когнитивная деятельность по обработке смыслов в языковом общении. Фокус *внимания* во многих языках обычно кодируется синтаксической позицией подлежащего, а высокая степень *активации* референта – использованием анафорических местоимений, как это и сделано в {VIII-с}, чем и объясняется его предпочтительность.

Тема говорящего

До сих пор, говоря о *теме дискурса*, мы по сути дела имели в виду его содержательную основу, являющуюся пересечением семантических сфер, принадлежащих высказываниям разных участников общения. Этот подход к интерпретации речи, несмотря на его кажущийся естественный характер, сопряжен с реальной опасностью упустить из виду те аспекты тематической организации коммуникативного взаимодействия, которые обусловлены индивидуальностью каждого из участников общения, вполне вероятно, имеющего не только свой взгляд на тему, но и свою *собственную тему*.

В естественном разговорном дискурсе реально существует и первична **тема говорящего**, т. е. каждого конкретного участника диалога в группе [Brown, Yule 1983: 88; Sacks 1995]. Изначально тема принадлежит не дискурсу как таковому, а человеку и лишь потом, по мере утверждения интерсубъективного статуса данной темы – дискурсу как социальной практике коммуникативной общности людей, социальному отношению, построенному в данный момент на этой теме. Само это отношение, если воспользоваться математической метафорой, выглядит как социальная функция от индивидуальной темы.

Здесь надо напомнить о примате коммуникатороцентрического подхода над текстоцентрическим в

коммуникативном дискурс-анализе: в опыте для исследования нам дан письменный транскрипт, лишенный линейной динамики развития в масштабе реального времени в отличие от речи, где в каждый конкретный момент есть один (в случае «наложения» реплик возможно и более одного) говорящий, совершающий один речевой акт на *свою* тему.

Рассмотрим пример, иллюстрирующий ввод новой темы в диалог одним из коммуникантов (авторский текст опускается). Фрагмент, взятый из повести А. Кристи, представляет начало разговора Бартлета (**В**) с полковником Мелчетом (**М**), занятым расследованием в момент появления первого и не склонным к обстоятельной беседе; Бартлет довольно робко предлагает тему, имеющую по его мнению важное значение, применяя сложную стратегию инициации:

{IX} **В 1:** Oh - er - I say - er - c-c-could I speak to you a minute?

М 2: Well, what is it - what is it?

В 3: Well - er - probably isn't important,
4 don't you know.

5 Thought I ought to tell you.

6 Matter of fact, can't find my car.

М 7: What do you mean, can't find your car?

(A. Christie)

В1 еще не вводит темы Бартлета, являясь инициативным коммуникативным ходом, «только» открывающим общение и предполагающим ответную реакцию, как правило, разрешение. Разрешение, хоть и косвенное, последовало в виде хода **М2**, опять-таки в вопросительной форме, выражающей, во-первых, нетерпение (во многом благодаря редупликации), а во-вторых, запрашивающей тему предполагаемого общения. Но и после этого тема еще не эксплицирована: **В3** и **В4** ставят под сомнение релевантность и значимость будущей темы – видимо, в этом проявляются этикетные стратегии занижения говорящим своего коммуникативного статуса и статуса своей темы. Кроме того, можно объяснить данные высказывания индивидуальными особенностями их автора, в частности, нерешительностью. **В5** выражает отношение говорящего к предлагаемой теме, а именно ее важности для адресата. Наконец, коммуникативный ход **В6** вводит тему *пропажа автомобиля*, после чего следует запрос о развитии

данной темы М7, – требование экспликации темы и необходимых разъяснений, утверждающее релевантность темы, т. е. принятие ее адресатом, присвоение теме интерсубъективного статуса. Далее как раз и последовал диалог, развивающий тему *пропавшего автомобиля*. Фрагмент {IX} неплохо иллюстрирует тезис, подчеркивающий принадлежность темы говорящему, а не тексту в целом: в данном случае мы вправе вести речь о теме г-на Бартлета, послужившей отправной точкой для дальнейшего диалога. По крайней мере, тема не появляется сама по себе – это результат инициативы одного из коммуникантов, предлагающего группе (будь это диада или более многочисленное объединение людей) *свою* тему для обсуждения.

Тема говорящего может по-разному относиться к глобальной теме дискурса и к локальной теме предыдущего участника общения. Дискурс порой развивается тематически гладко [*speaking topically* – Brown, Yule 1983: 84], когда элемент высказывания предшествующего говорящего становится *локальной темой* реплики следующего (включая разные варианты тематической прогрессии в диалоге). По этой модели, которую по-русски можно образно охарактеризовать как «слово за слово», построено множество бытовых непринужденных разговоров и бесед. Как правило, общая тема в таких случаях достаточно *свободная*, а локальные темы возникают одна за другой или одна из другой, цельность всего дискурса при этом обеспечивается прагматически – типом деятельности.

Однако нетрудно вообразить и другую крайность: участник общения локально никак не связывает свою речь с репликой предшествующего говорящего, тем не менее оба они раскрывают разные аспекты единой, заранее заданной (возможно, кем-то другим или всей общающейся группой), *глобальной темы* дискурса. Примером могут служить выступления депутатов в парламентских дебатах, ответы учеников на уроке и т. п. Судя по типу групп и характеру общения, в подобных ситуациях тема довольно часто фиксируется институционально, и отклонения от нее караются санкциями со стороны группы или организации. Этот вариант соотношения темы говорящего с локальными и глобальными темами дискурса называют «разговор на тему» [*speaking on a topic* – Brown, Yule 1983: 84].

Как это обычно бывает в реальной жизни, наибольшую часть примеров представляют смешанные случаи: даже парламентарии нередко втягиваются в словесные перепалки с бытовым типом тематической организации, а в своих непринужденных беседах мы придерживаемся какой-нибудь одной общей темы.

Поскольку тема принадлежит в первую очередь говорящему и лишь потом – дискурсу, весьма распространенным и типичным явлением оказывается ввод новой темы на стыке репликовых шагов, особенно новым говорящим при мене коммуникативных ролей (в экстремальном случае при перебивании). Порой такая смена темы происходит очень резко, не будучи подготовленной непосредственно предшествующим ходом дискурса, *некогерентно* (в этом случае тематический «водораздел» совпадает с границами новой фазы диалога или транзакции), в отличие от плавного, так сказать, эволюционного развития глобальной темы в когерентной последовательности локальных тем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики [Текст]: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 2-е изд. – М., 2007
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст]: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.
3. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики [Текст]. – Нальчик, 1999
4. Дискурсивные слова русского языка [Текст] // Под ред. К.Киселевой и Д.Пайара. – М., 1998
5. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии [Электронный ресурс] / С.В. Кодзасов. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 496 с. – (Studia philologica). Режим доступа – <http://biblioclub.ru>
6. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика [Текст]. – М., 2002
7. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику [Текст]: учебное пособие / А. Ю. Маслова. – М., 2007
8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст]: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

9. Рождественский Ю.В., Блинов А.В. Введение в языкознание [Текст]. – М., 2005
10. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факты и принципы причинности [Текст] // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 71.
11. Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Текст] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск – М., 2011. – С. 31-42
12. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии [Текст]: учебное пособие / А.Т. Хроленко; под ред. В.Д. Бондалетова. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 184 с.
13. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология [Текст]. – М.: Либроком, 2010. – 128 с.
14. Шелякин М.А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы [Текст]: учебное пособие. – 2-е изд., стер.– М.: Флинта, 2012. – 296 с.
15. Krauss R., Chen Y., Gottesmann R. Lexical Gestures and Lexical Access: a process model [Текст] // D. MacNeill (ed.) Language and gesture. Cambridge, 2000

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ПРОВЕДЕНИЮ ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ № 5

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТИПОВ ДИСКУРСА ПО КАНАЛУ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Основные вопросы:

1. Выявление степени сформированности научного представления о принципах противопоставления дискурсов по каналу передачи информации, по жанру, по функциональному стилю и формальности (презентация А.А. Кибрика)
2. Проверка уровня знаний о свойствах устной речи в сопоставлении с письменной.
3. Аудиторный сравнительный анализ работ по сопоставлению текстов устного и письменного рассказов (презентация А.А. Кибрика «Модусы дискурса»).

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, встает вопрос о классификации: какие типы и разновидности дискурса существуют. Самое главное разграничение в этой области – противопоставление устного и письменного дискурса. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. Иногда различие между устной и письменной формами использования языка приравнивается к различию между дискурсом и текстом, однако такое смешение двух разных противопоставлений неоправданно.

Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался большим престижем, чем устный, совершенно ясно, что устный дискурс – это исходная, фундаментальная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного. Большинство человеческих языков и по сей день являются бесписьменными, т.е. существуют только в устной форме. После того как лингвисты в 19 в. признали приоритет устного языка, еще в течение долгого времени не осознавалось то обстоятельство, что письменный язык и

транскрипция устного языка – не одно и то же. Лингвисты первой половины 20 в. нередко считали, что изучают устный язык (в положенном на бумагу виде), а в действительности анализировали лишь письменную форму языка. Реальное сопоставление устного и письменного дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-е годы.

Различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса (эти последствия исследованы У.Чейфом). Во-первых, в устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а в письменном – нет. При этом скорость письма более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате при устном дискурсе имеет место явление фрагментации: речь порождается толчками, квантами – так называемыми интонационными единицами, которые отделены друг от друга паузами, имеют относительно завершённый интонационный контур и обычно совпадают с простыми предикациями, или клаузами (clause). При письменном же дискурсе происходит интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Второе принципиальное различие, связанное с разницей в канале передачи информации, – наличие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта в норме нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место вовлечение говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений первого и второго лица, указаний на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, использование жестов и других невербальных средств и т.д. При письменном же дискурсе, напротив, происходит отстранение говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога. Например, при описании научного эксперимента автор статьи скорее напишет фразу. *Это явление наблюдалось только один раз*, а при устном описании того же эксперимента с большей вероятностью может сказать *Я наблюдал это явление только один раз*.

Несколько тысячелетий назад письменная форма языка возникла как способ преодолеть расстояние между говорящим и

адресатом – расстояние как пространственное, так и временное. Такое преодоление стало возможно лишь при помощи особого технологического изобретения – создания физического носителя информации: глиняной дощечки, папируса, бересты и т.д. Дальнейшее развитие технологии привело к появлению более сложного репертуара форм языка и дискурса – таких, как печатный дискурс, телефонный разговор, радиопередача, общение при помощи пейджера и автоответчика, переписка по электронной почте. Все эти разновидности дискурса выделяются на основе типа носителя информации и имеют свои особенности. Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 10–15 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный дискурс использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей устного и письменного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором два собеседника «разговаривают» через компьютерную сеть: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активно развивающихся областей современного дискурсивного анализа.

Помимо двух фундаментальных разновидностей дискурса – устной и письменной – следует упомянуть еще одну: мысленную. Человек может пользоваться языком, не производя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия легко наблюдаемых проявлений мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Одно из наиболее известных исследований мысленного дискурса, или, в традиционной терминологии, внутренней речи принадлежит Л.С.Выготскому.

Более частные различия между разновидностями дискурса описываются с помощью понятия жанра. Это понятие первоначально использовалось в литературоведении для

различия таких видов литературных произведений, как, например, новелла, эссе, повесть, роман и т.д. М.М.Бахтин и ряд других исследователей предложили более широкое понимание термина «жанр», распространяющееся не только на литературные, но и на другие речевые произведения. В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко. Исчерпывающей классификации жанров не существует, но в качестве примеров можно назвать бытовой диалог (беседу), рассказ (нарратив), инструкцию по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, проповедь, стихотворение, роман. Жанры обладают некоторыми достаточно устойчивыми характеристиками. Например, рассказ, во-первых, должен иметь стандартную композицию (завязка, кульминация, развязка) и, во-вторых, обладает некоторыми языковыми особенностями: рассказ содержит каркас из упорядоченных во времени событий, которые описываются однотипными грамматическими формами (например, глаголами в прошедшем времени) и между которыми есть связующие элементы (типа союза *потом*). Проблемы языковой специфики жанров разработаны пока недостаточно. В исследовании американского лингвиста Дж.Байбера было показано, что для многих жанров выделить устойчивые формальные характеристики весьма затруднительно. Байбер предложил рассматривать жанры как культурные концепты, лишённые устойчивых языковых характеристик, и дополнительно выделять типы дискурса на основе эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых параметров – таких, как использование форм прошедшего времени, использование причастий, использование личных местоимений и т.п.

4. Критический анализ реферативных сообщений на тему «Спецификация знаний в дискурсе: политическом, научном, массово-информационном, дипломатическом, рекламном, педагогическом и др. (тип дискурса по выбору).

Институциональный дискурс

С позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как

личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института.

Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу, по-видимому, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа. Например, проблематично говорить об институциональном дискурсе нумизматов или рыбаков. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, педагогического дискурса – социализация нового члена общества, медицинского дискурса – оказание квалифицированной помощи больному и т.д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это учитель и ученик, врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин. Участники институционального дискурса весьма отличаются по своим качествам и предписаниям поведения: отношения между солдатом и офицером имеют множество принципиальных отличий, например, от отношений между потребителем и отправителем рекламы. Есть разная степень открытости дискурса, например, клиенты в рамках научного, делового и дипломатического дискурса отличаются от агентов, в то время как клиенты политического, юридического, медицинского, религиозного дискурса обнаруживают резкое отличие от агентов соответствующего дискурса. Следует заметить, что противопоставление персонального и институционального дискурса – это исследовательский прием. В действительности мы достаточно редко сталкиваемся с абсолютно безличным общением. Вместе с

тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами. В педагогическом дискурсе доля личностного компонента достаточно велика (она различается и в лингвокультурном отношении, например, в российских и американских школах приняты разные режимы общения учителя и ученика, в нашей стране традиционно отношения между школьниками и учителями являются более близкими, чем в США, но, с другой стороны, там менее формализованы отношения между студентами и преподавателями университетов, чем в России). В научном и деловом дискурсе личностный компонент выражен значительно меньше, хотя, например, последнее время традиционные безличные обороты реже употребляются в жанрах научных статей и монографий на русском языке.

Моделируя институциональный дискурс, можно выделить четыре группы признаков:

1. Конститутивные признаки дискурса.
2. Признаки институциональности.
3. Признаки типа институционального дискурса.
4. Нейтральные признаки.

Конститутивные признаки дискурса получили достаточно полное освещение в работах по социолингвистике и прагмалингвистике (Hymes, 1974; Fishman, 1976; Brown, Fraser, 1979; Белл, 1980; Богданов, 1990; Карасик, 1992; Макаров, 1998). Эти признаки включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, т.е. людей в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки). Признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках. Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального. Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т.е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте

этого института (политический дискурс – власть, педагогический – обучение, религиозный – вера, юридический – закон, медицинский – здоровье и т.д.), связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании. Нейтральные признаки институционального дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, проявляющиеся «на чужой территории», т.е. транспонированные признаки (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы – в медицинском, научной дискуссии – в педагогическом).

Для описания конкретного типа институционального дискурса целесообразно рассмотреть его следующие компоненты:

1. Участники.
2. Хронотоп.
3. Цели.
4. Ценности (в том числе и ключевой концепт).
5. Стратегии.
6. Материал (тематика).
7. Разновидности и жанры.
8. Прецедентные (культурогенные) тексты.
9. Дискурсивные формулы.

Подробно эти компоненты освещаются при характеристике педагогического и религиозного дискурса (Карасик, 1999а, 1999б), мы же рассмотрим эскизное описание научного дискурса.

Научный дискурс

Научный дискурс традиционно привлекает к себе внимание лингвистов. Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. В научном сообществе принято уважительное обращение "коллега",

нейтрализующее все статусные признаки. Вместе с тем ученые отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры для посторонних, степени научной квалификации, академические звания и членство в престижных научных сообществах. Диада «агент – клиент», удобная для описания участников других видов институционального дискурса, в научном дискурсе нуждается в модификации. Дело в том, что задача ученого – не только добыть знания, оценить их и сообщить о них общественности, но и подготовить новых ученых. Поэтому ученые выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор. Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии, это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, с другой стороны.

Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога. Диалог этот может быть устным и письменным, поэтому для устного дискурса подходят зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, а для письменного прототипным местом является библиотека.

В одном из новейших исследований подчеркивается, что целью научного общения является процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстрактивизацией предмета речи (Аликаев, 1999: 60-68). Автор ведет речь не о научном дискурсе, а о научном функциональном стиле. Это означает, что акцент делается не на характеристиках участников и обстоятельств общения, а на текстуальных особенностях, которые вытекают из специфики языковых единиц, используемых в соответствующих текстах. В рамках научного стиля автор выделяет собственно научный (академический), научно-учебный, научно-технический, научно-публицистический, научно-информационный и научно-разговорный подстили. При этом в основу противопоставления академического и научно-технического подстилей положено не их дисциплинарное

содержание, а преимущественная теоретическая либо экспериментально-прикладная направленность. Научно-учебный и научно-публицистический подстили являются периферийными по отношению к академическому подстилю как архетипу, но они весьма частотны и именно эти тексты фиксируют состояние дисциплинарного знания в определенный временной период. Научно-информационный подстиль является пограничной областью между научным и официально-деловым стилями. Сравнив русские и немецкие фрагменты выделенных подстилей в рамках научного стиля, Р.С. Аликаев доказывает, что максимальным межкультурным сходством характеризуются центральные подстили научного стиля, а наибольшее различие свойственно научно-публицистическому (научно-популярному) подстилю. Автор устанавливает прагматические характеристики научного стиля:

- типизированный отстраненный субъект и объект речи, которые находятся в равных ролевых позициях;
- типизированные условия общения, которые предполагают свободный обмен мнениями;
- равные пресуппозиции участников;
- сформированная традиция общения, и наличие значительного пласта общих текстов.

Рассматривая жанры научной речи, автор дифференцирует их на основании двух критериев - членимость либо нечленимость макротекста и первичность либо вторичность и выделяет в качестве первичных монографию, диссертацию, статью, в качестве вторичных – автореферат, аннотацию, тезисы (Аликаев, 1999: 81, 116). Научно-разговорный подстиль, в котором разграничиваются доклад и полемическое выступление, не отличается принципиальными особенностями, тип мышления, как показано в другой работе, является более сильным фактором, чем форма речи (Богданова, 1989: 39). Заслуживает внимания специальное исследование, посвященное монографическому предисловию как особому типу вторичного научного текста, представляющему собой метатекст (информацию об информации), в котором реализуются различные виды прагматических установок – интродуктивная, экспозитивная, дескриптивная и др. (Белых, 1991: 7).

Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к

признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины («Платон мне друг, но истина дороже»), к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления. Эти ценности сформулированы в изречениях мыслителей, но не выражены в специальных кодексах, они вытекают из этикета, принятого в научной среде, и могут быть сформулированы в виде определенных оценочных суждений: Изучать мир необходимо, интересно и полезно; Следует стремиться к раскрытию тайн природы; Следует систематизировать знания; Следует фиксировать результаты исследований (отрицательный результат тоже важен); Следует подвергать все сомнению; Интересы науки следует ставить выше личных интересов; Следует принимать во внимание все факты; Следует учитывать достижения предшественников («Мы стоим на плечах гигантов») и т.д.

Оценочный потенциал ключевого для научного дискурса концепта «истина» сводится к следующим моментам: истина требует раскрытия, она неочевидна, путь к истине труден, на пути к истине возможны ошибки и заблуждения, сознательное искажение истины подлежит осуждению, раскрытие истины требует упорства и большого труда, но может прийти и как озарение, истина независима от человека. Истина сравнивается со светом, метафорой абсолютного блага. Истина едина, а путей к ней множество. Истине противопоставляется ложь и видимость истины. В русском языке осмысление истины зафиксировано в диаде «правда – истина» (См.: Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995). Системным контекстом для концепта «истина» выступает совокупность оппозитивных концептов «правда», «заблуждение», «ложь», «фантазия», «вранье» (Гак, 1995: 24). Для научного дискурса актуальным является доказательство отклонения от истины, т.е. доказательство заблуждения. Способы такого доказательства детально разработаны в логике.

Стратегии научного дискурса определяются его частными целями:

1. определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения;
2. проанализировать историю вопроса;
3. сформулировать гипотезу и цель исследования;
4. обосновать выбор методов и материала исследования;

5. построить теоретическую модель предмета изучения;
6. изложить результаты наблюдений и эксперимента;
7. прокомментировать и обсудить результаты исследования;
8. дать экспертную оценку проведенному исследованию;
9. определить область практического приложения полученных результатов;

10. изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (студентов и широкой публики).

Эти стратегии можно сгруппировать в следующие классы: выполнение, экспертиза и внедрение исследования в практику.

Стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах (научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы). Письменные жанры научного дискурса достаточно четко противопоставляются по признаку первичности / вторичности (статья – тезисы), ведутся дискуссии по поводу того, что считать прототипным жанром научного дискурса – статью или монографию, дискуссионным является и вопрос о том, относится ли вузовский учебник к научному дискурсу; устные жанры данного дискурса более размыты. Выступление на конференции меняется по своей тональности в зависимости от обстоятельств (пленарный доклад, секционное выступление, комментарий, выступление на заседании круглого стола и т.д.). Существенное изменение в жанровую систему научного дискурса вносит компьютерное общение, размывающее границы формального и неформального дискурса в эхо-конференциях. Следует отметить, что стратегии дискурса являются ориентирами для формирования текстовых типов, но жанры речи кристаллизуются не только в рамках дедуктивно выделяемых коммуникативных институциональных стратегий, но и в соответствии со сложившейся традицией. Чисто традиционным является, например, жанр диссертаций, поскольку для определения уровня научной квалификации автора вполне достаточно было бы обсудить совокупность его публикаций. Но в качестве ритуала, фиксирующего инициацию нового члена научного сообщества, защита диссертации в ее нынешнем виде молчаливо признается необходимой. Ритуал, как известно, является важным способом стабилизации отношений в социальном институте.

Тематика научного дискурса охватывает очень широкий круг проблем, принципиально важным в этом вопросе является выделение естественнонаучных и гуманитарных областей знания. Гуманитарные науки менее формализованы и обнаруживают сильную зависимость объекта познания от познающего субъекта (показательно стремление философов противопоставлять научное и философское знание).

Научный дискурс характеризуется выраженной высокой степенью интертекстуальности, и поэтому опора на прецедентные тексты и их концепты (Слышкин, 2000) для рассматриваемого дискурса является одним из системообразующих признаков. Интертекстуальные связи применительно к тексту научной статьи представлены в виде цитат и ссылок и выполняют референционную, оценочную, этикетную и декоративную функции (Михайлова, 1999: 3). Прецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, известные многим цитаты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации, например, лингвистам хорошо известны фразы «Colourless green ideas sleep furiously» и «Flying planes can be dangerous», используемые в работах по генеративной грамматике.

Под дискурсивными формулами понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте. Эти формулы объединяют всех представителей научной общественности. На культурном фоне Йейтс свободно находит символы для своего поэтического воображения. Словно архитектор, он построил новую Византию с помощью собственных образов, переданных в условных рамках символизма и «В художественном тексте разноуровневые знаки (от звука до текста) получают смысловые приращения, не представленные необходимо в их «дотекстовой» семантике». Стремление к максимальной точности в научном тексте иногда приводит авторов к чрезмерной семантической (терминологической) и синтаксической усложненности текста. Вместе с тем следует отметить, что научное общение предполагает спокойную неторопливую беседу и вдумчивое чтение, и поэтому усложненный текст в научном дискурсе оптимально выполняет основные дискурсивные функции: на максимально точном уровне раскрывает содержание проблемы, делает это содержание недоступным для недостаточно подготовленных читателей (защита

текста) и организует адекватный для обсуждения данной проблемы темп речи. Дискурсивные формулы конкретизируются в клише, например, в жанре рецензий: «Высказанные замечания, разумеется, не ставят под сомнение высокую оценку выполненной работы».

Коммуникативные клише в рамках институционального дискурса являются своеобразными ключами для понимания всей системы отношений в соответствующем институте. Например, каждый читатель, который сравнительно недавно окончил школу, с высокой степенью вероятности узнает реплику учителя в диалоге с рассеянным учеником: «Где дневник?» - «Дома забыл» - «А голову ты дома не забыл?» Тональность этого комментария редко соответствует требованиям педагогики сотрудничества.

Границы разновидностей институционального общения весьма условны. В настоящее время происходит быстрое изменение жанров дискурса, обусловленное прежде всего активной экспансией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей. Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением, игровой компонент общения доминирует в рекламном дискурсе, возникают транспонированные разновидности дискурса (например, телемост в рамках проектов народной дипломатии, телевизионная имитация судебных заседаний для обсуждения актуальных проблем общественной жизни, пресс-конференция как ролевая игра в учебном дискурсе). Телевизионные дебаты претендентов на выборную государственную должность строятся как зрелищное мероприятие, в котором сценические характеристики общения выходят на первый план по сравнению с характеристиками политического дискурса. Нельзя не согласиться с Е.И.Шейгал, которая пишет, что "для обывателя, не читающего политических документов, не знакомого с оригинальными текстами речей и выступлений, воспринимающего политику преимущественно в препарированном виде через СМИ, политика предстает как набор сюжетов. Эти сюжеты (выборы, визиты, отставка правительства, война, переговоры, скандал) составляют базу политического нарратива, под которым мы понимаем совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события" (Шейгал, 2000: 70).

Выделение персонального и институционального типов дискурса ставит перед исследователями много вопросов. Дискуссионным, например, является вопрос о том, к какому типу дискурса относится общение в стихийно складывающихся группах: пассажиры в купе поезда, покупатели в очереди, граждане, стоящие в толпе перед посольством за получением визы и т.д. Эти виды дискурса не являются персональными и по определению не относятся к институциональному общению. В социальной психологии такие виды общения достаточно детально изучены, ситуативно-ролевые характеристики участников такого дискурса раскрыты, например, в работах по фреймовому анализу Эрвина Гоффмана (Goffman, 1974), который выделяет в качестве центрального понятия такого анализа «ключ и переключение» (key and keying) – совокупность условностей, благодаря которым некоторая деятельность, имеющая определенное значение в определенных обстоятельствах, получает новое осмысление со стороны ее участников (Goffman, 1974: 43-44). К числу таких ключей относятся, например, церемонии, состязания, инсценировки, переосмысление мотивов деятельности. Социолингвистическое исследование такого дискурса, его типология и специфика применительно к определенным классам ситуаций остается перспективной задачей коммуникативной лингвистики.

Совершенно иной подход к изучению дискурса требуется при исследовании игрового и суггестивного общения, которые представляют собой не ситуативно обусловленные типы коммуникативного поведения, а особую тональность общения, пронизывающую различные виды персонального и институционального дискурса. Заслуживает внимания исследование, автор которого выносит на суд лингвистической общественности обширный список разновидностей модальной тональности: "официально, серьезно, шутливо, восторженно, дружелюбно, враждебно, саркастически, недоверчиво, безразлично, пессимистически, робко, мечтательно, с грустью, пренебрежительно, надменно, агрессивно, с отвращением, настойчиво, мрачно, удивленно, взволнованно, хвастливо, с тревогой, раздраженно, с обидой, отрешенно, радостно, притворно, задумчиво, решительно, вызывающе, таинственно, грубо, испуганно, вежливо, ласково" (Багдасарян, 2000: 95). Разумеется,

можно предъявить автору замечания по поводу того, каковы критерии выделения соответствующих тональных нюансов, в какой мере они различны (например, «робко» и «испуганно»), можно ли считать данный список исчерпывающим, но постановку такой проблемы можно только приветствовать. Нельзя не отметить, что различные виды эмоционального отношения участников общения к ситуации, предмету речи и друг к другу определяют тип общения в целом (Шаховский, 1995).

Важные характеристики дискурса раскрываются при исследовании не прямой коммуникации (Дементьев, 2000), т.е. общения, сориентированного на неизосемическое, неоднозначное соотношение отправляемой и получаемой информации. В.В.Дементьев безусловно прав, считая, что не прямая коммуникация позволяет людям гибко устанавливать адекватность значения и смысла, т.е. понимать друг друга с той степенью достаточности, которая и требуется в каждом конкретном случае. Развитие языка – это отнюдь не «выпрямление не прямой коммуникации»: если научный и деловой дискурс подтверждают это положение, то художественный и обиходно-бытовой дискурс иллюстрируют то, что и удалось блестяще показать автору книги – выпрямление есть лишь временный момент в развитии изгиба.

Выделение персонального и институционального дискурса позволяет установить релевантные признаки социокультурных ситуаций общения, типов коммуникативных личностей и способов организации текста и открывает перед лингвистами новые перспективы изучения человека в языке.

Регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и смысловоспроизводящая деятельность, направленная на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе. Политический дискурс характеризуется наличием таких **целей**, как завоевание, удержание и распределение власти. Даже реализация дескриптивных функций политическим дискурсом предполагает легитимацию властных отношений. Предметная область политического дискурса характеризуется неопределенностью, «эфемерностью» как самих политических объектов, так и их границ. Границы номинируемых объектов в политическом дискурсе устанавливаются в соответствии

с тем, какие политические интересы актуализованы, как распространяются властные амбиции и за счет каких именно объектов предполагается реализовать власть.

Язык политического дискурса специфичен семантической неопределенностью, эзотеричностью, идеологической полисемией, сложностью значений лексики, использованием эмоционально-возвышенной лексики, что в своей совокупности позволяет адресантам манипулировать со смыслом высказываний и объективировать субъективно-коннотативные значения. С когнитивной точки зрения политическому дискурсу характерен использованием не строго определенных понятий, оценкой истинности высказываний на основе их авторства и соответствия идеологической точке зрения, а также скорее конструирующим, чем воспроизводящим типом познания.

В политической дискурсивной практике используется широкий спектр **текстов**: с одной стороны, нарративные, декларативные, референциальные, а с другой - художественные, публицистические, научные тексты используются политическими агентами в качестве инструмента воздействия на сознание и опыт реципиента.

Контексты политического дискурса в значительной степени образованы **прецедентными текстами**, что обусловливается необходимостью воспроизводства власти: идентификация адресатом ключевых категорий возможна за счет наличия их в опыте чтения аналогичных текстов. Конструирование знания в политической дискурсивной практике происходит в контексте конкретных действий в определенном хронотопе и связано с жизненным миром и смысложизненными ориентирами коммуникантов. Отличительной особенностью коммуникативного контекста политического дискурса является его массовость и неопределенность границ коммуникантов.

В целом политический дискурс направлен не столько на объективную репрезентацию действительности, сколько на конструирование особого типа реальности в соответствии с властными интенциями и амбициями. Политическая дискурсивная практика организуется таким образом, что неопределенность и неточность ее ключевых категорий, объектов и потенциальной аудитории способствует включению в ее поле все большего числа индивидов. Политический дискурс оперирует богатыми

языковыми, когнитивными, коммуникативными инструментами, что дает возможность политическим субъектам возможность вуалировать базовую цель достижения и удержания власти.

Религиозный дискурс

Регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая речемыслительная деятельность, направленная на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта.

Религиозный дискурс строится в отношении решения проблемы веры как феномена индивидуального и массового сознания, выражающейся в принципиальной недоказуемости тезиса, фиксирующего истину, которая трактуется как высшая ценность. Религиозный дискурс используется субъектами института религии с целью сохранения, трансляции и актуализации ценностей, норм и мистического опыта. Дискурс строится относительно сохранения и изменения положения вещей, что объясняется стремлением человека к спасению и (вос)соединению с Абсолютом. Предметная область религиозного дискурса включает в себя рационально не познаваемые явления, трактуемые как «истинно существующие» и доступные восприятию в результате мистического опыта, и характеризуется достаточно высокой степенью знаковости и метафоричности. Значимость мистического опыта, переживаний и ценностей, поддерживающих веру, является системообразующим внутренним фактором религиозного дискурса.

Языковыми средствами передачи мистического опыта являются эвфемизмы, тропы, экспрессивно-возвышенная лексика, положительные и отрицательные экспрессивы, - то, что обеспечивает не точную рационализацию референта высказывания, а его интуитивное понимание. Язык религиозного дискурса формально и содержательно консервативен, что вызвано необходимостью сохранения догматического потенциала дискурса.

Знание в религиозном дискурсе конструируется на основе догм и мистических переживаний, а истина понимается не как соответствие действительности, а как совпадение с Абсолютом, знание о котором зафиксировано в Сакральном тексте. Трансляция сакрального знания и опыта предполагает точное понимание религиозных максим, что достигается с помощью

недвусмысленного формулирования ее базовых максим. В религиозном дискурсе достаточно широко применяются аргументативные средства, которые адаптируют канонически-догматическую основу религиозного учения к конкретным ситуациям повседневного действия, что в целом указывает на суггестивный характер религиозного дискурса.

Религиозный дискурс отличается широким спектром текстов различного жанра, в то время как их «смысловой центр» - это Сакральный текст, который содержит в себе базовые положения религии, служит ориентиром и отправной точкой в реализации дискурсивной практики. Сакральный (канонический) текст фактически представляет собой запись религиозного учения, он сам представляет собой учение, может быть использован для объяснения жизненных ситуаций и построения новых религиозных текстов. Он наделяется статусом символа веры, ее содержания и даже ее адресанта. Коммуникативные условия реализации религиозного дискурса характеризуются жесткой иерархией базовых участников коммуникации, порядок которой определяется степенью сакральности и участия в религиозной деятельности.

В целом, содержание религиозного дискурса выражает «внутреннее напряжение» дискурса, связанное с репрезентацией мистического опыта в языке и коммуникации. Религиозный дискурс выступает в качестве механизма актуализации ценностно-нормативных и догматических основ религии, будучи при этом высоко субъективированной деятельностью.

Персональный дискурс

Персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение.

Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом. Именно для этого типа дискурса справедливо замечание И.Н.Горелова (1980) о том, что вербальное общение лишь дополняет невербальное, а основная информация передается мимикой,

жестикуляцией, сопровождающими речь действиями и т.д. Специфика бытового общения детально отражена в исследованиях разговорной речи. Бытовое общение является естественным исходным типом дискурса, органически усваиваемым с детства. Этот тип дискурса характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний. Фонетически здесь является нормой нечеткое беглое произношение. Общаясь на бытовом уровне, люди прибегают к сниженной и жаргонной лексике, хотя статистически разговорные слова составляют не более 10% лексического фонда высказываний в разговорной речи (Девкин, 1979: 154). Важнейшей характеристикой единиц разговорной речи является их конкретная денотативная направленность, эти слова указательны по своему назначению (именно потому они и легко заменяются невербальными знаками), кроме того, в узком кругу хорошо знакомых людей реализуется лимитивная (ограничивающая, парольная) функция общения, коммуниканты используют те знаки, которые подчеркивают их принадлежность к соответствующему коллективу (семейные, групповые слова) и непонятны посторонним (Сиротинина, 1983: 9). Нечеткость произношения коррелирует с семантической нечеткостью единиц: значения слов весьма подвижны, слова легко заменяются на приблизительные субституты, это речь, в которой главенствуют местоимения и междометия: «Ну, ты что?» - «Да я вот, тут...» - «А, ну ладно».

Бытовой дискурс отличается тем, что адресат должен понимать говорящего с полуслова. Активная роль адресата в этом типе дискурса предоставляет отправителю речи большие возможности для оперативного переключения тематики, а также для легкого перевода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т.д.).

В отличие от бытового в бытийном дискурсе предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами.

Бытийный дискурс может быть прямым и опосредованным. Прямой бытийный дискурс представлен двумя противоположными видами: смысловой переход и смысловой прорыв. Композиционно-речевой формой смыслового перехода является рассуждение, т.е. вербальное выражение мыслей и чувств, назначением которого является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. Смысловой прорыв - это озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой смыслового прорыва является текстовый поток образов, своеобразная магма смыслов, разорванных со своими ближайшими ментальными образованиями, это может быть координативное перечисление разноплановых и несочетаемых сущностей или явлений, либо катахреза как сочетание несовместимых признаков, либо намеренный алогизм. Континуальное состояние сознания перестраивается и структурируется по новым ориентирам, подсказанным определенными образными опорами. Эта реструктуризация сопровождается сильным эмоциональным потрясением и обладает фасцинативным притяжением, т.е. подобные тексты требуют неоднократного повторения, и каждое повторение осознается адресатом как ценный опыт.

Опосредованный бытийный дискурс – это аналогическое (переносное) и аллегорическое (символическое) развитие идеи через повествование и описание. Повествование представляет собой изложение событий в их последовательности, для художественного повествования существенным является противопоставление сюжета и фабулы как глубинного развития и поверхностного перечисления событий. Описание – это статическая характеристика очевидных, наблюдаемых явлений. Повествовательная и описательная аналогия базируется на устойчивых социально закрепленных ближайших смысловых связях, притча же требует более широкого культурного контекста и опирается на активную поддержку получателя речи.

Прямой бытийный дискурс в виде смыслового перехода представлен в любых видах логических умозаключений. Эти формы дискурса достаточно хорошо освещены в лингвистической литературе. Менее изучены виды смыслового прорыва. Следует отметить, что если смысловой переход с большой степенью вероятности приводит адресата к тому результату, который был

запланирован автором, то успешный смысловой прорыв имеет место гораздо реже. В случае коммуникативной неудачи при смысловом переходе можно обнаружить те или иные логические ошибки либо намеренные софизмы, а неудачный смысловой прорыв превращается в белый шум, совершенно непонятное словесное нагромождение. Здесь, возможно, уместна аналогия с распространенными в настоящее время специальными квази-голографическими изображениями на плоскости, объемная глубина и удивительная резкость изображения которых проявляется при определенном способе рассматривания, все другие способы рассеивают внимание и не приводят к стереоскопическому эффекту.

Координативное перечисление разноплановых явлений обладает известным суггестивным потенциалом, поскольку создает сильное энергетическое смысловое поле, способное сообщить новый, нетривиальный смысл получателю речи. Знаки в координативном перечислении допускают в принципе любое прочтение, человек вынужден обращаться к своему подсознанию, мобилизуя интуицию и впитывая информацию из контекста, понимаемого предельно широко как весь жизненный опыт. В качестве примера поэтического текста можно привести известное стихотворение Эдварда Каммингса:

Anyone lived in a pretty how town (with up so floating many bells down) spring summer autumn winter he sang his didn't he danced his did / Кто-то жил в славном считай городке (колокол мерно звонил вдалеке) весну и лето осень и зиму он пел свою жизнь, танцевал свой труд (Пер. В.Британишского).

В поэтическом тексте происходит резонанс звукового ритма и накладывающихся друг на друга концептов. Отношения логического и эмпирического порядка вещей отступают на второй план и нейтрализуются. Происходит возвращение на первичный язык мыслительной деятельности, по З.Фрейду, т.е. язык подсознания, характеристиками этого языка являются следующие моменты:

- оперирование предметными представлениями, т.е. мнемическими следами визуальных, тактических, слуховых и других восприятий, отличающихся слабой дифференцированностью, семантической расплывчатостью, смещенностью и конденсированностью;

- континуальностью мышления, пренебрежением к логическим противоречиям;
- вневременными факторами, или ориентацией только в настоящем времени;
- обращением со словами как с предметными представлениями.

Вторичный язык мыслительной деятельности, как отмечает В.Н. Цапкин, отличается оперированием преимущественно словесными представлениями, дискретностью операций, абстрактно-логическим мышлением (Романов, Черепанова, 1999: 18-19). Психологическим механизмом возвращения к языку подсознания является дипластия, по Б.Ф. Поршневу (1974), т.е. психологический феномен отождествления двух элементов, которые одновременно исключают друг друга. «Бессмысленное провоцирует усилия осмысления», отмечают А.А. Романов и И.Ю. Черепанова (1999: 37). Эти усилия эмоционально окрашены и поэтому открывают возможности для кодирования психики. Координативное перечисление является одним из приемов суггестивного дискурса и распадается на несколько типов: 1) координативная цепь высказываний, 2) координативная цепь слов, 3) координативная цепь вербальных знаков, включающих непонятные единицы, например, иностранные слова.

С координативной цепью высказываний мы сталкиваемся в стихотворении Льва Рубинштейна «Появление героя»: «Спасибо. Мне уже пора. – И ты поверил, дурачок? – Да он с утра уже косой. – Ты б лучше с Митькой погулял. – Сама-то знает, от кого? – Через неделю будет год. – Ой, надо же? А я не знал. – И в удареньях не силен. – Душа не может умереть!».

Координативная цепь слов весьма часто используется как в поэзии, так и в эзотерическом дискурсе. Например, перечисление сакральных имен или знаков, связанных со сверхценными символами для того или иного вероучения (*Кровь - корень - дом - корона - лед - мел - мел - мел*).

Координативная цепь комплексных вербальных знаков характерна для экспериментаторов в языке, ищущих новые возможности в фоносимволизме.

Катахреза представляет собой стилистический прием, суть которого состоит в сочетании несополагаемых сущностей («вязкое дерево снов»). Катахреза, в отличие от семантически близких

приемов метафоры и оксюморона, сориентирована на максимально активный поиск смыслов в сознании реципиента. Катахреза в принципе не допускает однозначной интерпретации и открыта для континуального прочтения. От координативной цепи катахреза отличается субординативным построением в виде субъектно-предикатного, либо атрибутивно-номинативного, либо вербально-адвербиального блоков. Субординативные отношения более сложны по своему устройству и вместе с тем более монолитны, чем координативные. С катахрезой в ее различных вариантах (фонетически осложненном и простом) мы сталкиваемся в художественных текстах, как поэтических, так и прозаических.

Под алогизмом понимается не только нарушение правил выводимости смысла, но и несоответствие картине мира. Намеренные алогизмы используются в суггестивном дискурсе. В качестве примера можно привести известный коан Дзен-буддизма: «Как звучит хлопок одной ладони?». Алогизмы близки парадоксам, но если парадокс – это перевернутое общее место, то алогизм – это перевернутая модель мира в целом. Сравним: «Сновидения истинны, пока они продолжаются» и «Цепь из цветов труднее порвать, чем цепь из железа».

Бытийный дискурс во многих отношениях диаметрально противоположен бытовому, но сходен с ним в одном очень важном качестве: это опора на активное осмысление содержания речи со стороны адресата. Личностно-ориентированное общение строится на широком смысловом поле в сознании адресата, хотя природа расширения смыслов в бытовом и бытийном общении различна. В первом случае осознание смысла зависит от конкретной ситуации общения, во втором – от формы знака и личностной концептосферы адресата.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики [Текст]: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 2-е изд. – М., 2007
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст]: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.
3. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики [Текст]. – Нальчик, 1999

4. Макаренко В.П. Политическая концептология [Текст]. – М.: Праксис, 2005
5. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику [Текст]: учебное пособие / А. Ю. Маслова. – М., 2007.
6. Михалев А.Б. Общее языкознание. История языкознания. Путеводитель по лингвистике [Текст]. – М., 2005
7. Норман Б.Ю. Лингвистические задачи [Текст]: учебное пособие / Б.Ю. Норман. – М. Флинта: Наука, 2006. – 262 с.
8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст]: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.
9. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации [Текст]. – Новосибирск, 2005
10. Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология [Текст] // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004
11. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факты и принципы причинности [Текст] // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С.71
12. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология [Текст]. – М.: Либроком, 2010. – 128 с.
13. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст]. – М.: Гнозис, 2004
14. Chafe W. Discourse, Consciousness and Time [Текст]. //Chicago, 1994
15. Krauss R., Chen Y., Gottesmann R. Lexical Gestures and Lexical Access: a process model [Текст]// D. MacNeill (ed.) Language and gesture. Cambridge, 2000
16. Wodak R. Disorders of discourse [Электронный ресурс] L., N.Y., 1996. URL: <http://www.madipi.ru> (дата обращения: 17.10.2013)

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ЗАНЯТИЮ № 6

УСТНЫЙ И ПИСЬМЕННЫЙ ДИСКУРС. ПЕРСОНАЛЬНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Цель занятия: дать представление о таксономических параметрах противопоставления дискурсов по каналу передачи информации, по жанру, по функциональному стилю и формальности; показать типологические различия между персональным и институциональным дискурсом.

Задание 1. Ответьте на следующие вопросы:

1. Какие выделяются модусы дискурса?
2. Каково соотношение между устным и письменным дискурсом?
3. Каковы фундаментальные различия между устным и письменным модусами?
4. Как организован устный дискурс?
5. Какие компоненты включает институциональный дискурс?
6. В каких двух разновидностях существует персональный дискурс?

Задание 2. Назовите свойства устной речи в сопоставлении с письменной. Поясните свой ответ конкретными примерами.

Задание 3. Сопоставьте тексты устного и письменного рассказов (презентация А.А. Кибрика «Модусы дискурса»).

Задание 4. Подготовьте реферативное сообщение на тему «Спецификация знаний в дискурсе: политическом, религиозном, научном, массово-информационном, дипломатическом, рекламном, педагогическом и др. (тип дискурса по выбору).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики [Текст]: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 2-е изд. – М., 2007
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке

- [Текст]: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2009. – 416 с.
3. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики [Текст]. – Нальчик, 1999
  4. Макаренко В.П. Политическая концептология [Текст]. – М.: Праксис, 2005
  5. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику [Текст]: учебное пособие / А. Ю. Маслова. – М., 2007.
  6. Михалев А.Б. Общее языкознание. История языкознания. Путеводитель по лингвистике [Текст]. – М., 2005
  7. Норман Б.Ю. Лингвистические задачи. – М., 2006
  8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст]: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.
  9. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации [Текст]. – Новосибирск, 2005
  10. Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология [Текст] // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004

